

бадатоHский замбит

Михель Гавен

секретный фаватер

Михель Гавен

Балатонский гамбит

Серия «Секретный фарватер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10411713

Вече; 2016

ISBN 978-5-4444-8668-9

Аннотация

Весной 1945 года германские войска осуществили в районе озера Балатон последнюю крупную наступательную операцию под названием «Весеннее пробуждение». Своевременные контрмеры советских войск не позволили немцам добиться серьезного успеха. Однако на протяжении полутора недель непрерывных боев германские войска весьма сильно потрепали русских, едва не сорвав их наступление на Вену. И, конечно же, успех или неуспех операций зависел не только от мудрости командования, но в первую очередь от действий солдат и офицеров на передовой, лицом к лицу с врагом, который порой мог неожиданно стать и товарищем по несчастью...

Известный немецкий писатель-историк Михель Гавен в своем новом романе предлагает совершенно по-иному взглянуть на те давние события, и прежде всего глазами непосредственного их участника, военного врача Марен фон Кобург.

Содержание

1	5
2	33
3	37
4	39
5	43
6	50
7	76
8	113
9	134
10	141
11	150
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Михель Гавен

Балатонский гамбит

© Дьякова В.Б., перевод на русский язык, 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

– Проникающее ранение грудной клетки, большая кровопотеря, пуля рикошетом задела несколько важных органов и застряла в легких. Закрытый пневмоторакс, много крови в плевральной полости. Есть проявления нарушения сердцебиения, – доктор Виланд поправил марлевую повязку на лице. – Мы герметизировали рану. Но положение серьезное.

Склонившись над офицером-артиллеристом, Маренн кивнула.

– Да, диагноз не вызывает сомнения, этот характерный всасывающий звук при дыхании. Пулю надо извлекать. Готовьте к операции.

– Наркоз?

– Эндотрахеальный. Миорелаксанты.

– По американскому методу? – Виланд удивился.

– Да, – Маренн подтвердила решительно. – С отдельной интубацией бронхов. Это поможет нам бороться с острой сердечной недостаточностью и избежать гипоксии.

– Госпожа оберштурмбаннфюрер, – к ней подошел санитар. – Приехал штандартенфюрер Пайпер.

– Прошу вас, Ханс, – Маренн даже не повернула голову. – Скажите, что я не могу отлучиться, и извинитесь за меня.

– Приехал, – Виланд вдруг усмехнулся. – Он мне звонил по десять раз на дню, все спрашивал, появилась фрау Ким

или нет. Он ранен, точно...

– Что, ранен? – Маренн вскинула голову.

Размышляя о пациенте, она не заметила иронии в голосе Виланда, она все восприняла всерьез. Сдернув шапочку и повязку с лица, выбежала на двор. Пайпера она увидела сразу. Он стоял у БТРа и разговаривал по рации. На броне лежали белые розы – большой букет, штук пятьдесят, не меньше. Зимой, в конце февраля, и ладно бы в Берлине, но у небольшого венгерского городка с труднопроизносимым названием Секешвехервар – это было невероятно. Ветер шевелил нежные белые лепестки и слегка поблескивающие глянцево-белые листья. Она направилась к БТРу. Заметив ее, Пайпер отдал трубку унтерштурмфюреру из экипажа, взял цветы.

– Мне сказали, ты ранен, – она взволнованно тронула его за рукав, осматривая. – Что? Куда? Кто? Снайпер? Вы же еще не вступали в непосредственное соприкосновение.

– Ранен? – Пайпер удивился. – Кто это сказал? Мартин, наверное... Он мне говорил так, когда я ему звонил и спрашивал о тебе. Хотя, возможно, он и прав... Я ранен. Вот, – он протянул ей букет. – Это тебе. Мы тебя ждали. Я ждал.

В его интонациях она уловила какие-то новые нотки, какую-то скрытую нежность, которой раньше не чувствовала, но возможно, просто не обращала внимание. Она смутилась.

– Я приезжал в Берлин, чтобы получить Мечи к Рыцарскому кресту за Арденны. Сразу после награждения приехал в Шарите. Очень вежливый профессор де Кринис сказал, что

ты, оказывается, уехала куда-то к Шернеру под Кюстрин. Я был разочарован. Я думал пригласить тебя в ресторан.

— Чтобы я там снова спела? — Маренн улыбнулась. — Я приехала через три дня. И тоже была разочарована. Но фюрер мне не докладывает, кого и когда он награждает. Но розы, которые ты оставил, такие же, как эти, стояли у меня в кабинете. Они даже совсем не завяли. Спасибо, — она взяла букет, — и за те цветы, и за эти. Но я должна идти, — она взглянула на часы. — Я оставила пациента под наркозом. Это что за шутки такие, штандартенфюрер? — она слегка стукнула Пайпера по плечу. — Мне говорят, ты только что из боя, ранен, я бегу, оставив под наркозом человека, а оказывается, это розыгрыш. Все, все, разворачиваемся и уезжаем, Йохан. Я спешу.

— А для чего там Виланд? — Пайпер улыбнулся, поймав ее руку. — Этот бездельник. Так, для общего впечатления? Я не говорил, что я ранен, но я хотел увидаться с тобой. Я тебя ждал, — повторил он.

— Разворачиваемся и уезжаем, — она ответила строго и выдернула руку.

— Это значит — пошел вон? — он спросил с иронией, но взгляд помрачнел. Она заметила это.

— Это не значит, что пошел вон, — она и не подумала, как он может воспринять ее слова. — Но здесь госпиталь, и у меня человек под наркозом, — добавила уже мягче. — Мне сейчас надо оперировать его. От моего спокойствия и хладно-

кровия зависит его жизнь. А ты, как я понимаю, чуть не признаешься мне в любви. Так что, будьте любезны, штандартенфюрер, – она отступила на шаг, – здесь госпиталь, и здесь приказываю я. Уезжай хотя бы до вечера, – она опустила голову.

– Хорошо, слушаюсь.

– Я люблю белые розы, – она быстро взглянула на него. – Я очень люблю белые розы.

– Во сколько мне приехать? – Пайпер поднялся на БТР. Глаза под козырьком фуражки блеснули, значит, все прошло.

– Не раньше восьми.

– Я буду. Поехали, – хлопнув по броне, приказал водителю.

БТР зарычал, разворачиваясь. Маренн быстро пошла назад в дом. Оставила цветы санитару при входе.

– Поставьте в воду, Ханс, – приказала быстро.

Вернулась в палату.

– Как дела?

Доктор Виланд поправил очки и внимательно посмотрел на нее.

– Мы иссекли края раны и сделали рассечение по межреберью. Пуля лежит очень неудобно... Фрау Ким, – ему показалось, она не слушает его. – Вы улыбаетесь?

Обработав руки, Маренн качнула головой.

– Я все поняла, Мартин. Дренажная трубка в плевральной

полости есть?

Она надела перчатки и подошла к операционному столу.

– Фрау Ким, а штандартенфюрер ... – вдруг начал доктор.

– Штандартенфюрер придет вечером, если он вам нужен, – ответила она. – Не отвлекайтесь. Будем работать.

Когда стало смеркаться, заметно похолодало. В приоткрытое окно потянул холодный ветер, и Маренн почувствовала такой знакомый запах порохового дыма – за все годы, которые она провела на войне, на той, на первой, да и теперь, на второй, приятней он для нее не стал. Дым то наплывал вместе с порывами ветра, затрудняя дыхание, то вдруг исчезал, и тогда дышалось легко и свободно.

– Закройте окно, – приказала Маренн санитару, и, взглянув на белые розы, стоявшие перед ней на столе, углубилась в изучение рентгеновского снимка.

– Фрау Ким, – доктор Виланд присел сбоку на стул. – А вот эта новая метода наркоза, которую вы мне показали сегодня, имеет какое-то описание, научное обоснование, что-то стоит почитать?

– Не только стоит, но даже нужно, – ответила Ким. – Возьмите в моей сумке, – она кивнула на медицинский саквояж на полу. – Черная папка, написано «Лейбштандарт». Джилл только успела перевести с английского перед моим отъездом сюда, и материал распечатали для главных врачей эсэсовских дивизий. Обязательно прочтите. Я попробовала еще в Шарите перед операцией в Арденнах.

– Очень, очень интересно, – доктор Виланд нагнулся за папкой. – Умеют эти американцы выкинуть что-нибудь этакое. А что им не выкидывать? Их не бомбят, война за тридцать земель, сиди себе и выкидывай. Пока другие давят друг друга танками и забрасывают бомбами. Как я понял, в этом есть масса преимуществ.

– Да, – Маренн кивнула. – Во-первых, возможность осуществления точной дозировки вещества, которое поступает через трубку. Потом можно в течение нескольких секунд менять минутный объем вентиляции и менять в любых пределах газовый состав крови. Хорошая проходимость дыхательных путей в течение всей анестезии. Сколько проблем возникает у нас при проведении масочной анестезии, когда при расслаблении мышц корень языка западает и может полностью перекрыть верхние дыхательные пути от нижних. Добавьте к этому герметичность, при которой невозможна аспирация, так что содержимое желудка, даже если и попадает в ротовую полость, никогда не попадет в легкие. И предотвращение легочных осложнений в послеоперационном периоде.

За окном послышался шум колес БТРа. Маренн бросила взгляд на часы – восемь двадцать. Пайпер подождал, конечно, но совсем немного.

– Это штандартенфюрер? – Виланд привстал. – Фрау Ким, я хочу вам сказать. Йохан, он ... – доктор покачал головой. – Такая дивная жена, такие чудные детишки. Я видел фото-

графии. Будет жаль, если все это распадется.

— А с чего вдруг распадется? Что вы волнуетесь, Мартин? — Маренн продолжала смотреть на снимок, потом взяла медицинскую карту.

— А вы не понимаете? — Виланд кивнул на букет. — Гоняли самолет в Вену. Умри, но привези, и чтоб обязательно белые, одного размера, свежайшие. И все для нее, то есть для вас. Чуть не самого гауляйтора там вверх тормашками поставили. А вы говорите, с чего? Он меня задергал — приехала не приехала. Он помешался на вас, это точно. Я так ему и сказал. Йохан, ты на ней помешался. Я его понимаю. Молодость, слава, размах теперь иной, да и желания тоже. Когда ты герой, и запросы, знаете ли...

— Не волнуйтесь, Мартин, разберемся, — Ким посмотрела на розы и улыбнулась. — Правда, цветы красивые.

— Как вы разберетесь? — Виланд пожал плечами. — Чем больше вы будете разбираться с ним, тем дальше все пойдет. Он к вам равнодушен, Ким. Он давно хотел с вами познакомиться. Здесь, на фронте. Говорит, в Берлине к вам не подступиться. Но все не получалось. Приедет — то вас еще нет, то уже нет. А в Арденнах Кальтенбруннер помог. Так теперь, как говорится, башню снесло. Ее еще там снесло, но я молчал, ведь вы были не одна, с вами был оберштурмбаннфюрер Скорцени. Я знаю, что он имеет к вам отношение не только служебное. Я не хотел лезть, чтобы не накликать беды. Но что вы думаете? Все эти пироги с клубникой, рояли на гру-

зовике, шампанское, вкуснейший суп в фарфоровой посуде – мы каждый день так живем, что ли? Да никогда такого не было. А как командовали? Я вообще от ужаса старался из госпиталя не показываться. Нет, я не сомневаюсь в профессионализме Йохана и в его здравом уме. Но в обычной обстановке он куда осторожнее. Я-то знаю, не первый год вместе. Это было все для вас. Весь этот Арденнский рейд – для вас. Он хотел произвести на вас впечатление.

– Мне кажется, вы все утрируете, Мартин, – Маренн вернула карту на место, взяв из ячейки только что готовые анализы, быстро просмотрела. – Вы знаете, что мой сын, если бы он был жив, был бы младше Йохана всего на пять-шесть лет.

– А кому это когда мешало? – доктор пожал плечами.

– Бездельничаете, Виланд. Хайль Гитлер! – дверь открылась, и вошел Пайпер, блеснув белозубой улыбкой. – Сидим на стульчике, все повесили на фрау Ким, она прооперирует, она перевязет, до восьми часов, а то и до всех двенадцати. А мы книжечки читаем, – он кивнул на инструкцию, которую перелистывал Виланд. – Требуется корректировка, как говорит Шлетт.

– Что предлагаете, штандартенфюрер? – Маренн повернулась.

– Горячий огонь в очаге, свежее пиво, хорошо прожаренное мясо с хрустящей корочкой. Пиво доставлено из Вены – просто чудо.

– Согласна. Одну минуту, прошу, – она улыбнулась. –

Мартин, смотрите сюда, – она показала Виланду снимок. – Здесь ясно видно, что присутствует перелом верхних ребер и расширение средостения. Я не вижу контура дуги аорты, так что вполне вероятно, она серьезно задета. Надо оперировать. Кто это у нас? – она прочитала на обороте фамилию. – Ротенфюрер Карпински. Отлично. Завтра в восемь утра подготовьте к операции. Наркоз тот же.

– Слушаюсь, – Виланд как-то вяло пожал плечами. Прислонившись к косяку двери плечом, Пайпер смотрел на него с улыбкой.

– Поработать придется, да, Мартин? Наркоз подготовить.

– Хватит издеваться надо мной, – доктор обиженно отвернулся и сделал вид, что читает инструкцию.

Маренн встала из-за стола, подошла к санитару. Повернулась к нему спиной.

– Помогите мне снять халат.

Тот быстро развязал тесемки.

– Прошу, фрау, – Пайпер взял шинель Маренн. – Виланд, ты тут навешал своих вещей, откуда у тебя такой багаж?

Тот даже не пошевелился.

Маренн надела пижаму. Пайпер набросил ей на плечи шинель.

– Если будет что-то срочное, вы знаете, где меня искать, Мартин, – сказала она Виланду.

– Он будет искать меня, а значит, найдет и вас. Схема понятна, Виланд?

Доктор только поморщился.

– Обратите внимание на дозировку, – Маренн подошла и, перевернув несколько листов в инструкции, показала доктору.

– Да, да, я понимаю, – тот кивнул. – Тут все новое.

Потом, подняв голову, недовольно взглянул на Пайпера поверх очков.

– Ну, идите же, идите.

Тот рассмеялся. Открыл дверь, пропуская Маренн вперед. Когда они проходили по коридору, он сжал ее руку.

– Куда мы едем? – спросила она, не отнимая руки.

– Не в ресторан, – ответил он. – В Берлине бы мы пошли в ресторан, но здесь ресторанов нет. Здесь вообще тоска, захолустье. Вена далеко. Так что поедem ко мне. Мы заняли весьма уютный дом, господская усадьба. Там большой камин. Я уже сказал Шлетту. Мясо на огне и ждет нас.

– Я есть хочу, – она улыбнулась.

– Ты невероятная женщина, – он наклонился и заглянул ей в лицо. – Я никогда не слышал, чтобы женщина так просто признавалась, что хочет есть. Они считают, что это неприлично.

– Ну, не все же прилетают из Берлина, едва выпив чашку кофе в Шарите, а потом стоят у операционного стола по двенадцать часов, не отходя.

– Да, никто не прилетает и не стоит по двенадцать часов, кроме тебя.

– Вот поэтому никто так и есть не хочет, как я, – она засмеялась. – В Арденнах я съела у тебя пирог, здесь съем мяско.

– Пирога ты съела только кусочек, остальное смолотила ваша команда, да еще Хергет помог...

Они вышли на улицу. Ветер стал тише, зато пошел мелкий сырой снег. По двору проходили две женщины из вспомогательных войск связи. Увидев офицеров, они остановились и подняли руку в приветствии. Маренн и Пайпер прошли мимо.

– Подожди, – Йохан подошел к бронетранспортеру.

– Под какого же мужика надо лечь, чтобы получить такой мундир и такое звание, – услышала Маренн шепот за спиной. – Женщине, будь ты хоть пять раз арийка, такой мундир ни за что не дадут.

Маренн оглянулась. Женщины хотели уже пройти дальше. Но, сообразив, что она слышала их разговор, остановились в растерянности. Маренн подошла. Одна была высокая, просто каланча, с грубоватым крестьянским лицом, вторая – помиловиднее, но тоже простушка.

– Интересуетесь? – спросила Маренн без тени раздражения. – Могу посоветовать. Под английского лейтенанта, если вам интересно. Сейчас их как раз много в Нормандии высадилось. С большевиками связываться не советую. Можно угодить в лагерь, вместо того, чтобы в офицеры.

– Что? Вторая танковая начала выдвижение? – она услы-

шала голос Пайпера, он говорил по рации. — Я все понял, Франц. Еду. Скоро буду. Как мясо? Порядок. Ким, — он прыгнул с брони. — О чем ты там? Иди сюда.

Она подошла к БТРу, оставив двух «вспомогательных» дам в явном замешательстве.

— Да вот, делюсь опытом, с чего начинается карьера.

— Я слышал что-то про английского лейтенанта. Это еще откуда? — он помог ей подняться на броню. — Поехали, — приказал водителю.

Зарычал мотор, БТР начал разворачиваться. Машину качнуло, Пайпер взял Маренн за руку.

— Что за лейтенант? — снова спросил он. — Признавайся.

— Признаюсь, — она опустила голову. — Английский лейтенант — это мой муж. Он погиб еще на Первой мировой войне. Отец Штефана. Эти девицы, там во дворе, очень интересовались, как можно получить офицерские погоны. Я им сказала, что начинать надо с английского лейтенанта. Сказала правду, как на духу.

* * *

Камин был высокий, с широким зевом, отделанный мозаикой. Огонь горел в нем весело, в просторной комнате с высоким лепным потолком было тепло. На огне, с шипением сбрасывая жир, коричневой блестящей корочкой поблескивало мясо.

– На чем это оно жарится? – взглянув, Маренн спросила с удивлением.

– На двух шпагах из оружейной коллекции хозяина, – как ни в чем не бывало, ответил Пайпер, наливая пиво в кружки.

– Такие изящные эфесы, – она подошла ближе, рассматривая. – Необычное применение.

– Ну, не такое уж необычное, если вдуматься. Ничего более подходящего не нашлось.

В зеленой походной форме СС она села на медвежью шкуру, расстеленную перед камином. Она заметила, что Пайпер смотрит на ее колени, обтянутые чулками, но одергивать юбку не стала. Девчоночьи штучки. Не для того она сюда приехала, чтобы показывать стыдливость, которой нет с восемнадцатого года.

Дверь открылась.

– Фрау Ким, добрый вечер! – в комнату вошел обер-штурмбаннфюрер Шлетт.

– Здравствуйте, Франц! – она быстро взглянула на него и снова перевела взгляд на огонь.

– Пиво хочешь? – Пайпер подвинул ему кружку.

– С удовольствием.

– Что слышно от Дитриха?

– Ничего хорошего, – Шлетт подошел и встал рядом с Маренн.

– Передай фрау, – Пайпер протянул ему кружку с пивом для Маренн.

– Благодарю, – Маренн попробовала пиво. – Замечательный вкус.

– Судя по тому, как двинулась «Дас Райх», – задумчиво произнес Шлетт, – нас тоже ничего хорошего не ждет. Дороги – хуже некуда, все тает. Тяжелые машины тонут в грязи. Два «Королевских тигра» сели по башню. А их уже поджимает «Гогенштауфен», короче, образовалась пробка, которая еще неизвестно, когда рассосется. А нам наступать после них. Они все извозят так, что мы вообще не пройдем, даже «пантерами». Придется плыть, в лучшем случае.

– Мы будем стоять еще долго, – ответил Пайпер. – Большевики в шоке, что мы прибыли сюда. Они думали, что после Арденн нас отправят на Одер. Зепп сказал, нас попридержат, пусть пока другие их поутюжат.

– Может, это и к лучшему, просохнет. Ладно, я пойду, спасибо за пиво, доброй ночи, фрау Ким, – поставив пустую кружку на стол, Шлетт вышел. Пайпер вышел за ним. Она слышала, как он сказал:

– Крамер, меня беспокоить только в самом крайнем случае. Все остальное – к оберштурмбаннфюреру Шлетту.

– Слушаюсь, господин штандартенфюрер.

Щелкнул замок двери. Он вернулся. И сел рядом на медвежью шкуру перед огнем. Помолчав, спросил:

– Твоя английская фамилия от этого лейтенанта?

– Нет, – она покачала головой, отпила пиво. Он наклонился вперед, поправляя мясо на огне. – Его фамилию носил

Штефан, а теперь носит Джилл. Хотя сам он больше известен под псевдонимом. Ведь он был знаменитым художником и подписывал картины Мэгон. Они висят теперь во всех крупнейших музеях мира. А Сэтерлэнд – это скорее кличка, как у собаки. В Первую мировую войну я работала в госпитале английской герцогини Камиллы Сэтерлэндской, ее называли леди Ким, а нас – «сестры леди Сэтерлэнд», чтобы отличить от сестер других госпиталей. У меня это осталось на всю жизнь.

– Ты больше не вышла замуж?

– Это может показаться странным, но мне никто не предлагал. Мой муж умер спустя год после того, как война закончилась. Он был очень тяжело ранен, у него не было никаких шансов выжить. Наверное, он должен был умереть раньше, но я сделала все, чтобы продлить ему жизнь. Он был богат, и до войны прослыл в Лондоне и Париже кутилой и любимцем женщин. У него было много любовниц – самые блестящие, знаменитые дамы, они все увивались за ним, пока он был при деньгах, здоров, знаменит. Он был из той породы людей, которых я вообще не любила – я считала их пустышками, которые зря прожигают жизнь. Но из всех своих друзей он единственный пошел на войну добровольцем, не боялся ничего и поднял восстание в армии против генералов, которые вели бессмысленную войну, войну ради войны, когда все уже было решено. У него внутри был крепкий, негнбаемый стержень. Я полюбила его за это, хотя для него не

отличалась от всех прочих. Когда он стал калекой, когда все от него отвернулось и только я пошла за ним до конца, он изменил свое отношение ко мне. Я думаю, он умер, любя меня. Может быть, любя женщину искренне единственный раз в своей жизни, но никогда не сказал мне об этом. Он знал, что я жду ребенка, но почти не оставил нам со Штефаном денег, хотя очень заботливо распределил их между своими бывшими любовницами. Но он был таков. И будь он простым парнем, пусть даже с красивой внешностью, богатым и известным, я бы не оставила ребенка, я бы избавилась от него, так трудно мне было тогда, так горько. Но он был великим художником. Это единственное, что раз и навсегда извинило в моих глазах все его недостатки. У него был божественный дар, и хотя бы им он заслужил, чтобы Штефан появился на свет. Штефан появился и повторил судьбу своего отца. Он во всем пошел в него. Просто как отражение в зеркале.

– Если бы он был жив, я бы зачислил его в свой полк.

– Тебе бы не разрешили. Он не скрывал, что у него отец англичанин. Поэтому его и не брали никуда, кроме как в дивизию «Мертвая голова». На нее совсем уж идеальных арийцев не хватило. А в школе он был лучшим, он лучше всех проходил все препятствия, прекрасно справлялся с оружием. И, как у отца, – бесконечные девочки, которые от него с ума сходили. Я думала, он сделает меня бабушкой в тридцать пять лет, – Маренн улыбнулась. – Тогда меня это не очень радовало, но теперь я была бы счастлива, если бы какая-ни-

будь фрейляйн родила от него сына или дочь. Но он тоже заботился о том, чтобы не огорчать меня раньше времени. Он мог бы стать и художником, он хорошо рисовал, у него уже начал вырабатываться свой стиль, свой взгляд на мир. Но все-таки я думаю, что, останься он жить, он связал бы свою судьбу с армией. Ему все это очень нравилось. Где-то в глубине души он наверняка мечтал стать генералом.

Она помолчала.

– У меня в дивизии «Мертвая голова» служил старший брат. Он покончил с собой. Его вынудили. Гомосексуализм.

Пайпер взял мясо с огня и стал снимать его на тарелку, разрезая на куски. В комнате ароматно запахло специями.

– Я понимаю. После смерти Генри я осталась со Штефаном одна. Другой человек, который любил меня, французский летчик, друг сына того старика, которого мы встретили в Бержевиле, тоже умер вскоре после войны. Он горел в самолете, получил страшные ожоги. Я очень надеялась на него, но и эта моя надежда тоже разрушилась.

– А там, у старика, на фотографии из газеты, это была ты, я заметил.

Пайпер передал ей тарелку с мясом.

– Спасибо, очень вкусно, – она попробовала.

– Да, я. Простая солдатская медаль – такие выдавали всем участникам боевых действий, моя единственная награда за все годы. Но меня это ничуть не печалит. Друг моего отца дал мне денег на билет, и я со Штефаном отправилась в Аме-

рику. Нам было очень трудно там. Если бы кто-то полюбил меня тогда и предложил мне руку и сердце, я бы согласилась, я была на грани отчаяния. Но вокруг меня словно была пустыня. Я часто думаю об этом и сейчас. Когда сильно устаю в госпитале, когда мучает бессонница, я спрашиваю себя: почему? Я думала, что не заслужила любви, что Господь карает меня за то, что я проявила слишком много гордости. За то, что у меня вообще ее в избытке, это верно. Но теперь я понимаю, что он просто вел меня моей собственной дорогой, отличной от всех прочих. Он хотел, чтобы я что-то сделала, он посылал мне одно испытание за другим. И я сделала то, что он хотел. В Чикаго мне приходилось браться за самую черную работу, чтобы заработать на кусок хлеба для сына и иметь хоть какую-то крышу над головой. Мы жили в полуразвалившейся хибаре на окраине города, там всегда было холодно и сыро, бегали мыши, с тех пор я перестала их бояться, Штефан часто болел, я думала, он вырастет хилым. Потом мне удалось устроиться санитаркой в госпиталь Линкольна. Ведь все, что я умела делать, – это ухаживать за больными. Мне поручали самое неприглядное, что никто не хотел делать, но я терпела. Однажды у профессора Гарриэта неожиданно заболела ассистентка, а откладывать операцию было нельзя. Мне приходилось участвовать в таких операциях в госпитале герцогини Сэтерлэндской, и я отважилась предложить свою помощь. Все прошло настолько удачно, что в дальнейшем профессор работал только со мной.

Он помог мне поступить на медицинский факультет университета, где преподавал сам. Все это время я ассистировала ему в клинике, у нас со Штефаном появились деньги, мы смогли снять квартиру, он пошел в школу. Однажды в госпиталь Линкольна привезли пострадавших во время автомобильной катастрофы. Мужчина, работник банка, скончался на месте, женщина умерла на операционном столе от потери крови. Осталась только девочка, ее звали Джилл. Джилл – моя приемная дочь, я взяла ее тогда к себе, и так мы стали жить втроем. А потом в Чикаго с циклом лекций приехал Фрейд. Я посетила все его выступления, меня очень увлекло все то, что он рассказывал, мы много с ним беседовали на семинарах. Он пригласил меня в Вену. И я снова пошла учиться, теперь уже второй специальности. В тридцать шестом году я приехала в Германию и попала в лагерь...

– В лагерь? – Пайпер положил ей руку на плечо. – Ты была в лагере?

– Да, вместе с детьми, – она кивнула. – На меня написал донос один недобросовестный ассистент на кафедре де Кри-ниса в университете, диссертацию которого я не пропустила. Это была полная чушь. Меня арестовало гестапо, ведь я иностранка. Париж, Америка – все это очень подозрительно.

– Когда же тебя освободили?

– В тридцать восьмом, когда Германия стала готовиться к войне и понадобились хорошие врачи. Тут вспомнили и обо мне. А до этого я провела два года в одном бараке с

проститутками и уголовницами. Очень приятная компания для профессора психиатрии. Я не шучу, – она повернулась к нему. – Я получила там огромный материал, до сих пор над ним работаю. Господь привел меня сюда, в Германию, чтобы я поняла то, к чему он меня вел: поняла, что можно делать с людьми и целыми странами, а что нельзя. Он заставил меня делать все, что хотел. Тогда я и получила звание – оберштурмбаннфюрер и элегантный мундир от Хьюго Босса, какой не дадут ни одной другой женщине; мужчины были готовы на все, только поведи бровью. Еще молодая, а уже огромный опыт и много сил. Казалось, можно свернуть горы, настало время любить и быть счастливой. Но сына нет в живых, его никто не вернет. И большевики на пороге дома, в котором я могла бы быть счастлива. А это значит, что все повторится сначала. И они заставят меня пройти тот же путь, который я уже прошла. Теперь уж и не знаю, как получится.

– В тридцать восьмом я начал служить у рейхсфюрера адъютантом, – Пайпер убрал с ее лица выбившийся из прически локон, она дернула заколку на затылке, и волосы бесшумно распустились красивой коричневой волной, длинные, до самого пола. – Я привозил тебе один раз приказ рейхсфюрера в Шарите – ты даже не посмотрела на меня. «Благодарю. Идите». А кто, что? Подумаешь, какая-то мелкота. Адъютант все равно, что лакей. Ему только с секретаршами заниматься. Я, правда, не обиделся, я был тогда увлечен Зигурд, да и вообще ветер в голове, настоящего пороха

еще не нюхал. Видел и потом, при ставке. Вокруг тебя – одни генералы. Даже не генералы, фельдмаршалы. Там и Гудериан, и Манштейн, и фон Бок. Сам рейхсфюрер был так оживлен, когда с тобой беседовал. А наше дело – бумажки перекладывай. Тогда я решил, что когда начнется война, напишу рапорт на фронт. Только теперь, когда штандартенфюрер и рыцарский крест с дубовыми листьями под воротником, стало можно рассчитывать на твое внимание.

– Я не понимаю, какие генералы? Когда? – она пожала плечами. – Вокруг меня по большей части только раненые и больные.

– Так я и поверю. Я вошел тогда в твой кабинет и сразу увидел – красивая, духи – голова кругом. Да что там красивая, – он присвистнул. – Сумашедше красивая, вот так. Но такая дама – не для нас. Потом ты спасла от смерти моего товарища, в сорок втором под Харьковом. У него был сильный ожог. Доктор Виланд только руками разводил. Вот если приедет, ждите. Приехала, забрала с собой в Шарите, он выжил и вернулся в строй. Потом сколько раз спрашивал Виланда: что она, какая? А он все свое – как руки, ноги отрезали или пришили, про ожоги опять же, про сепсис – это у него главная забота всегда, противостолбнячная сыворотка, а потом снимет очки, протрет их замшевой тряпочкой, посмотрит вдаль мечтательно и скажет: глаза у нее зеленые и брови красивые, вразлет. Я, конечно, стараюсь не смотреть на нее во время работы, не до того, знаете ли, но как не по-

смотришь? А Виланд – он у нас сухарь, из него романтики ни капли не выжмешь. Я тебя в Шарите вспоминаю. Мужчины быстро видят то, что хотят видеть, несмотря на мундиры, погоны, предписания рейхсфюрера и на всякие там удостоверения, даже на профессиональные навыки. Если красивая, то красивая. Ну а если нет, то тут уж, извините. А как она скальпель держит и вообще умеет ли им резать – это десятое дело. Пока сам на операционный стол не попадешь, конечно. Но я все время впереди, в бою: то мы большевиков атакуем, то они нас. Как ни приеду, Виланд уже руки моет. Я его спрашиваю: а где доктор из Берлина? Уже уехала, отвечает. Я ему сказал, что он тебя прячет от меня. Он вспыхнул, обиделся. Так что в Арденнах наш общий шеф рейхсфюрер мне просто подарок сделал. Но мне тогда в Берлине сказали, что ты со Скорцени. Я так для себя и понял. Ему не просто позавидуешь. Трудно вообразить, что это такое, когда тебя любит такая женщина. Это что-то невероятное.

– Да, невероятное, Йохан, – Маренн повернулась и взглянула ему в лицо. – Невероятно трудное.

Он наклонился к ней, его светлые глаза были совсем близко.

– Я не могу сказать, что люблю тебя, это что-то странное, – проговорил вполголоса.

– Я этого и не прошу, Йохан.

– Я люблю Зигурд и свою семью. Любил, – он остановился, брови вздрогнули, – да. Нет, люблю. Поверишь ли, за всю

войну никого в голове не держал. Так, была одна во Франции – дочка хозяина отеля, в котором мы останавливались, но я даже не помню, как ее зовут. Хотя увлекся, не скрываю. Ты меня зацепила. Еще там, в Берлине, зацепила. Только тогда я не сообразил. Зигурд забеременела, я женился на ней. Был всем вполне доволен. А после Арденн я и сам удивился, сколько я о тебе думаю и вспоминаю. Теперь пишу Зигурд только короткие письма, ссылаясь на занятость, но боюсь, она поймет слишком много. В Берлине еще не успел увидеться с ней и детьми, а уже поехал к тебе в Шарите.

– Я понимаю, – она провела пальцами по его щеке. – Война – штука жестокая, усталость огромная, повсюду кровь. Жена далеко, а в тридцать лет хочется, чтобы любили.

– Нет, ты не поняла, – он отстранился, закурил сигарету. – Любовь при желании – не проблема. Есть, куда пойти. Ты же видела этих двух, из вспомогательных частей, каждая почтет за честь. Но это – другое, я к Зигурд такого не чувствовал. Взрослее, наверное, стал, повидал кое-что. Прежде был мальчишкой. Конечно, Скорцени тебя ревнует, – он потянулся к столу, стряхнул пепел в пепельницу. – Будь хоть кто на его месте. Когда ты уезжаешь сюда, он не может быть спокоен. И не только потому, что здесь стреляют. Я тоже не был бы спокоен.

– Я никогда не давала ему повода, – ответила она неожиданно резко. – Что же касается ревности, то меня заботит не то, что он не может быть спокоен, он-то как раз вполне мо-

жет быть спокоен... мог быть спокоен, — поправилась она. — Но я не могла быть спокойна никогда. Я никогда не могла быть спокойна за то, что там происходит в мое отсутствие. И все это мне надоело.

— Но ты любишь Отто? — он спросил намеренно равнодушно, но она почувствовала скрытое в вопросе напряжение.

— Не спрашивай, — она вздохнула. — Могу сказать, любила.

— Так ты свободна? — он снова наклонился к ней, тронув за рукав.

— Я свободна, Йохан. Совершенно. Иначе я бы не приехала сюда. Нашла бы повод. Прочла бы Виланду лекцию о наркозе. Хватило бы до утра.

— А тот адъютант, с которым ты была в казино? Ты с ним осталась в номере, а потом он просил меня отвезти тебя на БТРе.

— Я ему ничего не обещала. И с него не брала никаких обещаний. Тем более, что как только мы вернулись в Берлин, Отто отослал его в разведшколу с инспекцией. Наверное, для того, чтобы я больше не виделась с ним.

— Когда он спрашивал про туфли, он спрашивал о том, были ли вы вместе...

— Я все знаю, Йохан, что он и про что спрашивает, — Маренн поднялась и подошла к окну, задернутому шторой. — Американская разведка и НКВД так не знают все его маневры, как я его знаю. И знаю, что он будет упорствовать с Гретьель. Он будет встречаться с ней, а ты терпи. Раньше еще

можно было терпеть, – она вздохнула, приподняв штору, на улице шел густой снег. – Но зачем терпеть теперь? Теперь, после Арденн, он тем более Гретель не бросит. С ней он при фюрере. Это ему очень удобно. Но мне неудобно. И потому я показала ему на дверь.

– Вы расстались?

– Да, – она подошла к столу и налила себе еще пива. – В который уже раз. Большая размолвка у нас была зимой сорок первого, после этого все пошло наперекосяк. Я тогда стала любовницей Шелленберга, – она прямо взглянула на Пайпера, но он и бровью не повел. – Я специально об этом говорю, чтобы не было заблуждений и упреков. Но вернувшись из Арденн, я сказала бригадефюреру: все. В Гедесберг я больше не приеду. Жена Вальтера тяжело заболела, она подсе- ла на наркотические вещества, точнее, ее подсадили. Я решила отойти в сторону – пусть они договорятся спокойно, без меня, хотя бы о судьбе сына. Скорцени же три года добивался, чтобы это произошло, но когда оказалось, что все, вот оно, все так, как он хотел, он сошелся с Гретель Браун. И даже когда мы вернулись из Арденн и он узнал, что я больше не езжу к Вальтеру, он снова встречался с ней. Это случилось перед тем, как я уехала в Кюстрин. Он даже не скрывал от меня, что был у нее. Мне не хотелось возвращаться в Берлин. Сразу с аэродрома я поехала в Шарите. А там – розы на столе, – она снова вернулась к огню и облокотилась на каминную полку. – Я спросила: от кого? Мне Макс

сказал – от штандартенфюрера Пайпера. А я чуть не плачу, мне горько, мочи нет, ноги не несут, а надо идти. Обход пациентов, потом ехать на квартиру к старшей дочери рейхсфюрера. У Гудрун – снова приступ жесточайшей депрессии. Ее опять довела ее мать, эта ужасная женщина, первая жена Гиммлера, фрау Маргарет. Она бы и самого рейхсфюрера уничтожила, если бы он вовремя не создал СС, не окружил себя охранниками и вообще от нее не отселился, встретив Марту. Потом – к самой фрау Марте, посмотреть Нанетту, дать совет, как ей поближе подружиться с Гудрун, потому что рейхсгейни так хочет, потом, – она вздохнула. – Потом к Гербхарту в Хоенлихен смотреть новые методы переливания крови, потом фрейлян Браун просила передать, что у нее болит горло. Кроме меня, никто посмотреть не может. А зачем? – не интересно. При Еве, конечно, Гретель. Она со мной за стол не сядет, кофе пить не будет, но будет все время заглядывать в комнату и делать загадочный вид. Ева же расширит глаза и шепотом сообщит, что пока тебя не было, она переспала с ним два раза. А что Еве делать? Фюрер занят государственными делами, а она только и смотрит, кто с кем переспал. И кому рассказать, как не личному психотерапевту. Не фюреру же. А я все слушаю, – она перекинула волосы вперед. – Я же доктор. Потом – и того не легче. Фрау Ирма, жена Науйокса, пока я была в Кюстрине, опять началась наркотиками, и это после того, как ее чистили в Шарите. Фрау Ильзе выгнала сиделку, которую к ней приставил

де Кринис. И это еще мне повезет, если за время моего отсутствия ничем не заболели дети Геббельса, но это бывает редко. Тогда обязательная встреча с Магдой. И только одна радость – Джилл. Она здорова, и Ральф о ней заботится. Хоть бы здесь я могу быть спокойна, – она улыбнулась. – Я думала, что вообще не переживу все это. Но я увидела розы, мне сказали, кто их привез и как был расстроен, что меня нет. Мне сразу стало радостно и легко. Я побывала у всех, даже у Магды, на Гретель и смотреть не стала, и когда Отто не приехал ко мне в Грюнвальд, зная, что я вернулась, не приехал ни в тот день, ни в следующий, а только спустя три дня. Я объявила ему, что еду в Венгрию, уже оформлен приказ. И если раньше я в основном оперировала в госпитале дивизии «Мертвая голова», потому что там служил мой сын, то теперь собираюсь обосноваться в «Лейбштандарте». А почему – его это не касается. Я поняла, что если меня не любят, то по крайней мере ждут. А дома в Грюнвальде меня ждут только Джилл и Ральф. Я рада, что хотя бы у них все складывается гладко.

Он встал, подошел к ней, обнял за талию, привлек к себе.

– Предлагаете краткосрочный полевой роман, штандартенфюрер? – она чувствовала его дыхание на волосах, но не поворачивалась, смотрела на огонь.

– Почему краткосрочный и совсем не обязательно полевой...

– Я ведь не останусь здесь надолго. Я должна вернуться в

Берлин. Меня никто не отпустит в помощницы доктору Виланду.

– В этом нет необходимости. Мы сами здесь долго не задержимся, я уверен. Ударим им под Секешвехерваром, а потом вермахт пусть доделывает. Дальше наверняка нас тоже перебросят к Одеру. А это от Берлина совсем недалеко.

– Я знала, что все этим закончится, – Маренн убрала волосы и посмотрела ему в лицо. – Со всей этой инициативой Кальтенбруннера в Арденнах, с песнями, танцами, прыганием с БТРа на БТР в ажурных чулках. Никогда я не допускала подобного.

– Я заметил, ты не ломака, не пытаешься переделывать мужчин под себя...

– А что вас переделывать, – Маренн рассмеялась, – вы и так хороши. Я много знаю о человеке как таковом. И о мужчине как таковом в частности благодаря своей профессии. К тому же война играет свою роль. Куда тут переделывать, если завтра, возможно, всех убьют. И меня в том числе, – она опустила голову ему на плечо.

Он обнял ее за талию, приподнял с нежностью ее лицо. Мгновение они смотрели друг на друга, потом он приник губами к ее губам. Она поддалась с радостным волнением, отвечая на его поцелуй.

– Коробов, руки убери!

– Наташа, ты чего недотрогу из себя строишь? – капитан Коробов прижал ее к стене.

– Пусти меня, – Наталья еще раз попыталась высвободиться.

– Куда, товарищ гвардии лейтенант? – капитан загоготал. – Я тебя со Сталинграда обхаживаю. А ты – ни-ни. Генерала, что ли, ждешь?

– Убери руки, сказала!

Она сильно толкнула его в грудь. Он покачнулся, но руки опустил.

– Наташа, – сказал как-то даже угрожающе, потирая щеку. – Тебе, может, того, Лермонтова почитать? Так я могу, чтоб тебе не так обидно было, мол, с культурой. «Во глубине сибирских руд...»

– Это Пушкин, а не Лермонтов. Коробов, – Наталья отошла в сторону. – Сразу видно, в школе двоечником был.

– Да я ...

– Наталья Григорьевна, – из кабинета вышел генерал Шумилов. – Зайдите ко мне. Разведчики языка взяли, новые сведения доставили, надо перевести. А вам, Коробов, заняться нечем? – он строго посмотрел на капитана. – Мне как раз офицер нужен, чтобы на передовую его послать, так вот

съезди, проветришься там.

— У меня, товарищ генерал, документации невпроворот, разрешите доложить, — Коробов вытянулся, стараясь не моргать.

— Тогда занимайтесь документацией, а не к девушкам приставайте.

— Слушаюсь.

— Входите, Наталья Григорьевна, — генерал пригласил в свой кабинет. — Что, прохода не дает наш донжуан?

— Так точно, товарищ генерал, — Наталья кивнула.

— Голицына, на комсомольское собрание все, — заглянул комсорг Саша Васильков.

— Я не состою в комсомоле, — ответила Наталья вяло.

— А когда заявление подадите, кстати? — комсорг нахмурился. — Сколько можно ждать? Меня чуть не из Москвы тебят: там у вас несознательный элемент имеется. Куда, мол, смотрите. Плохо работу ведете.

— Вы идите, идите, комсорг, — мягко остановил его Шумилов, — начинайте собрание. А Наталья Григорьевна закончит и к вам присоединится.

— Ну, ладно, извините, товарищ генерал, — Васильков исчез.

Наталья села за стол с печатной машинкой.

— Вот документы, Наталья Григорьевна, — генерал достал из сейфа папку и передал ей. — Работайте. Выносить отсюда нельзя.

– Я знаю, Михаил Степанович, – Наталья раскрыла папку.

– Ну, хоть что там, о чем? – генерал нетерпеливо подошел.

– Здесь списки и позывные радиосетей первого и четвертого танковых корпусов СС, товарищ генерал, – Наталья пробежала глазами бумаги. – Так, дивизия СС «Мертвая голова», дивизия СС «Викинг»...

– Прибыли, значит, голубчики, – Шумилов покачал головой. – Старые знакомые, давненько не виделись.

Наталья перевернула страницы.

– Шестая танковая армия СС, дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Гогенштауфен»...

– Что? Что? – генерал наклонился встревоженно. – Как ты сказала – 6-я танковая СС, «Лейбштандарт» здесь? Это точно ли, Наташа?

– Да точно совершенно, – Наталья пожала плечами. – Тут прямо расписано: первый танковый полк, второй...

– Вот это новость, – Шумилов от волнения потер затылок. – Это надо сразу в ставку сообщать. Что они здесь затевают у нас? Мы-то считали, что они на оборону Берлина пойдут. Георгий Константинович в докладе Верховному так и утверждал, мол, перебрасывается с Западного фронта 6-я танковая армия СС на Берлинское направление. На полном серьезе и с полной уверенностью. И все новые самоходки себе забрал. Мол, нам «Королевские тигры» встречать надо, а вам в Венгрии – что делать. А вот на тебе, «Королевские тигры» к нам на Балатон пожаловали. А у меня в артиллерии

только 57-миллиметровое да 76-миллиметровое орудия. Да и танки чуть не треть в ремонте, Т-34 всего сто сорок штук, да еще какие-то эти «шерманы» и «валентайны» союзнические, которые эти самые «Королевские тигры» вообще разнесут, как скорлупу. Так что все наоборот вышло. Ну, спасибо, Наталья Григорьевна, – генерал вспомнил о переводчице, – вы пока на собрание идите, переведете после подробно.

– Слушаюсь, товарищ генерал, только я на собрания не хожу.

– А ты сходи, сходи, – Шумилов слегка тронул ее за рукав, – и так тут на тебя особисты бочку катят, только еще комсорга с парторгом не хватает. Посиди, послушай, не убьет от тебя.

– А вот вы говорили, Михаил Степанович, на передовую надо офицера послать. А что там надо сделать? Может, я поеду?

– Коробов тебя замучил? – генерал понимающе улыбнулся. – Ладно, подумаем. Иди пока. Нам посоветоваться нужно. Петраков, – открыв дверь, крикнул адъютанта, – зови ко мне члена Военного совета и начальника разведки. И связь с командующим фронтом, срочно!

Маренн открыла глаза. Она сразу ощутила его тепло рядом. И, откинув жесткую полу расстегнутого кителя, положила руку на его разгоряченное тело под рубашкой. Шелковое белье постели приятно холодило ее обнаженную спину. В камине все еще потрескивал огонь. Йохан поцеловал ее в висок.

– Я люблю тебя, – сказал тихо, почти прошептал. – Теперь я точно тебя люблю. Ты будешь изменять мне там, в Берлине?

– Нет, не буду, – она ответила просто и ясно, как всегда отвечала на все вопросы.

Он приподнялся на локте. Взглянул ей в лицо.

– Не буду, – она не отвела взгляда. – А зачем?

– И будешь ждать?

Она улыбнулась.

– Зачем ждать? Я пойду и выпишу приказ, и снова приеду туда, где будешь ты. Я сделаю это быстро. Я конечно же не буду обращаться к адъютантам, с ними одна волокита, я отдам приказ Марте, а она передаст его рейхсфюреру при удобном случае, за завтраком, например. Она же раньше была у него секретарем и продолжает исполнять обязанности, но не для всех, конечно. Можно сказать, только для меня. Но буду ждать, – она обняла его за плечи, – буду ждать каждый день,

когда подпишут, когда приеду, когда увидимся.

– Ты очень красивая, – он опустил голову, целуя ее грудь, – ты сумасшедше красивая, верно.

Она с улыбкой гладила его волосы.

– А сколько времени?

Он поднял голову. Глаза потемнели от чувств, которые обуревали его.

– Не волнуйся. Доктор Виланд не только еще не подготовил наркоз, он вообще еще видит десятый сон. Он любит поспать, наш доктор Виланд.

Вдруг за стеной совершенно ясно послышалось:

– Да, группенфюрер, слушаю, группенфюрер...

Маренн подняла голову, откинула длинные, спутанные волосы.

– Группенфюрер?

– Там Шлетт. Там Шлетт, и этого достаточно.

– Будет исполнено, группенфюрер. Непременно, группенфюрер. Завтра же.

– Прохорова, ты что, не понимаешь, что патроны беречь надо? А ты куда палишь? Ты снайпер или кто?

– Что-то ты разошелся, Степан Валерьяныч, – спрыгнув с машины, Наталья окликнула знакомого командира роты. – Кого разносишь по кочкам?

– О, Наталья Григорьевна, давненько не виделись. От генерала к нам?

Высокий, скуластый, с неизменным биноклем на груди, капитан Иванцов вразвалку подошел к ней, протягивая вперед длинную, с коричневой кистью, руку.

– Здравия желаем, Наталья Григорьевна, – всю мрачность точно развеяло, капитан заулыбался.

– Здравствуй, Степан Валерьяныч, – Наталья пожала его руку. – Что, поранили?

Она заметила, что вторая рука у капитана перевязана.

– Да так, царапнуло, – отмахнулся он. – Тут свои похлеще немца доведут, пожалуй. Вот ты посмотри на нее, – он показал на невысокую девушку, которая стояла навытяжку, опустив руки и грустно склонив голову.

– Это снайпер называется. Чему ее только учили в школе? Сейчас для снайперов самая работа, к обороне перешли. А она все мажет и мажет.

– Так у тебя ж другая снайперша была? – Наталья удиви-

лась. – Комиссовали, что ли?

– Ну да, Федулова. Да куда ее комиссовать? – он махнул рукой. – Била исправно, ни одного промаха, интуиция, глаз – алмаз. Поранили ее. Так что в госпиталь отправили. А вместо нее кого прислали? Одно название – снайпер. Горе луковое. Руки тонкие, дрожат, вся издергалась. Никакой внимательности, выдержки, психует, и все тут.

Наталья подошла к девушке. Та испуганно взглянула на нее. «Глаза хорошие, умные, добрые», – сразу мелькнула мысль.

– Как фамилия? – спросила как можно мягче.

– Боец Прохорова, товарищ лейтенант, – ответила та то-ненько, того гляди, заплачет.

– Какой это боец, – не унимался Иванцов. – Это же слезы одни, а не боец.

Он отошел к разбитому дому, около которого две санитарки перевязывали раненых, что-то спросил у одного из них, по звездочкам – лейтенанта, видно, командира одного из взводов.

– А зовут как? – спросила Наталья девушку.

– Надежда... я, товарищ лейтенант, – она все-таки не удержалась и слезы потекли, – всю войну на фронт рвалась, да не пускали, в писарях держали, почерк у меня хороший. Но я же хочу, чтоб от меня польза была, я школу-то давно закончила, да опыта нет, все никак не могу привыкнуть.

– А сама откуда?

– Из Волхова я, это под Ленинградом, – ответила она. – У меня там мама была, она учительница. В Ленинград ушла, а потом – ни слуху ни духу. Ни словечка не пишет. Так что верно, одна я осталась теперь.

– Я тоже из Питера, – Наталья улыбнулась.

– Я ей винтовку Федуловой дал, – снова подошел Иванов. – Ты же знаешь, что это за винтовка, Наталья Григорьевна, это же не винтовка – песня. Ее в музей отдать, а ей и винтовка не помогает. Вот только слезы лить, – он с укором покачал головой.

– Довел человека, Степан Валерьянович, – упрекнула его Наталья. – Воспитательной работой заниматься надо, а не только результаты требовать. Девушка только на фронт прибыла, растерялась, стесняется, а ты ее запугал только, и все.

– Я, Наталья Григорьевна, сам из деревни. А начальство требует, чтоб снайпер норму давал. А у меня только расход патронов и больше ничего. Ты небось к полковнику Чижову? – спросил, успокоившись.

– К нему. Подбросишь до дивизии, Степан Валерьянович? Хоть на телеге, а то ноги отобью пешком идти, – попросила Наталья. – До тебя на попутке добралась.

– Устроим, Наталья Григорьевна, – кивнул тот. – Сейчас Харламыча кликну.

– Я к полковнику съезжу, поручение генерала выполню, – Наталья обернулась к девушке, – а потом к вам вернусь, так мы с тобой чайку попьем, потолкуем. Успокоиться надо, то-

гда все на место встанет. Поначалу у всех не получается. Вот я с детства по-немецки говорю лучше, чем по-русски, можно сказать. А как первый раз на допрос вызвали, так я, как умная собака, все понимаю, а сказать не могу, язык приклеился. Но потом освоилась, привыкла. Степан Валерьяныч, – крикнула она капитана, – у тебя чайку для меня найдется?

– А как же, Наталья Григорьевна, – ответил тот. – Для тебя у нас все найдется, золотце. Как Харламыш тебя отвезет, так сразу и скажу ему, чтоб занялся.

– Договорились, Надя? – Наталья тронула снайпера за рукав.

– Так точно, товарищ лейтенант, – ответила та в явном замешательстве.

– Меня по имени можно. Наташа и все. Ладно? А на Валерьяныча ты не дуйся, он командир хороший, заботливый, таких бы побольше. К женщинам не пристаёт, уважает их, опекает. Вы с ним еще подружитесь, я уверена.

Маренн осторожно сдвинула руку Йохана со своего тела. Он повернул голову; густые, красиво очерченные брови дрогнули. Она наклонилась, убрала волосы с его лба.

– Тс-с-с, – приложила палец к его губам.

Едва шевельнув губами, он поцеловал ее палец, но глаз не открыл.

– Не спишь? – тихо спросила она.

– Сплю. Еще сплю. Куда ты?

Она встала, накинув на обнаженное тело полосатый плед, подошла к окну, приподняла штору – снег все так же кружился за окном. Было темно, тихо. Она вернулась к постели, легла рядом с Йоханом, прижавшись к нему всем телом. Он в полусне провел рукой по ее груди, бедру, сначала вниз, потом вверх.

– Я счастлива. Я очень счастлива. Я даже не могла себе представить, что операция в Арденнах так для меня закончится. Ничего подобного мне не пришло бы в голову, когда я уговаривала Кальтенбруннера включить меня в состав группы вместо Джилл. Я счастлива, – она поцеловала его в висок.

– Я скажу, чтобы сделали кофе, – он приподнялся на локте, но она снова притянула его к себе.

– Не надо. Не надо привлекать личный состав к моему обслуживанию. Это лишнее. У Мартина в госпитале найдется

кофе, все найдется. Главное – не опоздать.

– Пока еще есть время. Тебя отвезут на БТРе, это быстро.

– Тогда поцелуй меня.

Он повернул ее спиной, убрал длинные волосы. Почувствовав его дыхание на шее сзади, она закрыла глаза и откинула голову.

– Йохан, – за дверью послышался голос Шлетта. – «Дас Райх» наконец-то убралась с дороги. Сейчас двинется «Гогенштауфен», а за ними – мы.

Он нехотя отпустил ее. Она вздохнула с сожалением, но ничего не сказала. А что тут скажешь – «Дас Райх» убралась с дороги, значит, «Лейбштандарт» будет выступать. Ей бы сейчас хотелось, чтобы «Дас Райх» толкалась на дороге целую вечность. Может быть, даже затонула там. Хотя бы на время.

Он встал, застегивая мундир, смотрел на нее, с раскиданными по подушке длинными каштановыми волосами.

– Одевайся, – сказал негромко. – Тебя отвезут.

Она кивнула.

– Сейчас.

– Я тоже счастлив, – затянув ремень, он наклонился, приподнял ее за талию и поцеловал в губы. – Я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю, Йохан, – она нагнулась вперед, поцеловала его ускользающие пальцы. – Я люблю тебя.

И сдернула со спинки стула свой зеленый полевой китель.

– Благодарю, оберштурмфюрер, – спустя сорок минут она спрыгнула с БТРа на дворе госпиталя. Было еще темно, на востоке только-только засерели заснеженные верхушки гор. Машина развернулась и уехала, свет фар проплыл по блеклым стенам домов. Маренн быстро поднялась по каменным ступеням лестницы и вошла в госпиталь. Ее сразу встретил доктор Виланд. Она заметила, он был встревожен.

– Доброе утро, Мартин. Как пациент? – она внимательно посмотрела на него, снимая шинель. – Показатели сердечной деятельности, давление?

– Все в порядке, фрау Ким, – Виланд опустил голову, протирая очки. – Мы все подготовили. Все прошло удачно.

– Тогда в чем дело?

– Вам звонили, из Берлина, – сообщил он.

– Кто, Джилл? – Маренн подошла к рабочему столу, взяла карточку ротенфюрера Карпински, которого должна была оперировать.

– Нет, фрейляйн Джилл не звонила. Оберштурмбаннфюрер Скорцени, – сообщил Виланд. – Три раза.

– А что случилось? – Маренн даже не подняла голову. – Он заболел?

– Нет, об этом он ничего не сказал, – Виланд пожал плечами. – Просто хотел поговорить с вами.

– И что вы ему ответили?

– Я ответил, что вы в войсках. Он сказал, что позвонит еще.

– Вы правильно ответили, Мартин, – она посмотрела на снимок, затем повернулась к доктору. – Разрез будем делать, не разделяя крупных мышечных групп, это впоследствии позволит нам быстрее закрыть рану, я думаю. А эндотрахеальная интубация поможет обеспечить вентиляцию легкого. Вы согласны?

– Да, вполне, – Виланд кивнул и снова протер очки.

– Здравствуйте, Ханс.

Подошел санитар. Маренн надела халат, он помог завязать сзади тесемки. Подал стерильную марлевую повязку.

– Благодарю, – Маренн кивнула, потом взглянула на Виланда – он выглядел растерянным.

– Не нужно излишне переживать насчет Берлина, Мартин, – с упреком заметила она доктору. – Вас это никак не задевает. Ведь это мне звонили, а не вам. И раз я здесь, я поговорю. Кто бы там ни был. Не волнуйтесь. Идемте к раненому.

* * *

Он позвонил спустя час. Маренн отказалась подходить.

– Скажите, что я занята, – приказала санитару.

– Фрау Ким, – осторожно произнес Виланд, глядя на нее

поверх маски и очков. – Несколько минут у нас есть.

– Хорошо, – Маренн положила инструмент, сдернула перчатки, сняла повязку с лица. – Приготовьте мне новую повязку и перчатки, – приказала санитару. – Продолжайте дренирование, Мартин, и следите за содержимым, чтобы не образовывалось много сгустков, иначе процесс затянется, и нам будет очень трудно соединить разорванные концы.

– Я понимаю, фрау, – кивнул тот.

Она вышла из операционной, прошла в кабинет, взяла трубку.

– Почему ты уехала в Венгрию? – Скорцени спросил резко, не здороваясь.

– Потому что получила приказ, – ответила она спокойно. – Я выполняю приказы, как и все. Я не сама себе их выписываю.

– Но в этом не было насущной необходимости, как мне сказал де Кринис. Он хотел, чтобы в Венгрию поехал Грабнер, ты только что вернулась из Кюстрина.

– Ты все-таки заметил, что я вернулась из Кюстрина? – она усмехнулась. – Это радует. Но приказы отдает не де Кринис, а Главное медицинское управление войск СС и подписываются они рейхсфюрером, если тебе это до сих пор неизвестно.

– Грабнер сидит в Шарите, а ты едешь по фронтам.

– Оберштурмбаннфюрер Грабнер не сидит в Шарите, он там много и серьезно работает. У него еще беженцы, кото-

рые попадают под бомбежку, меня освободили от этого. И я не понимаю, что тебя не устраивает. Это же хорошо, если меня нет дома, никаких неудобств. Джилл и Ральф не будут следить за тем, что ты и как делаешь.

– Сколько ты там пробудешь? Я приеду за тобой.

– Не надо, – она сказала очень сдержанно, даже холодно. – В этом нет необходимости. Занимайся своим, я даже не знаю, какое кодовое название имеет все то, что ты делаешь, потому сказать не могу. А вот фрау Гретель Браун-Фегеляйн кодового названия не имеет, потому про нее я скажу прямо, – все-таки не утерпела, хотя говорила себе, не надо, не надо, что толку. – Ты можешь встречаться с ней открыто, если, конечно, ее муж не возражает. Я к тебе больше отношения не имею, ты совершенно свободен. Я уже говорила, нам нечего делить, поэтому мы можем просто сказать друг другу до свидания. И не надо валить все на Рауха или тем более занимать время Вальтера. Они здесь не при чем.

– А кто при чем?

– Никто. Это мое решение. И оно окончательное. Прошу больше не тревожить меня и не занимать оперативную связь. Тут хватает, о чем поговорить, кроме наших личных дел. Увидимся в Берлине. А сейчас, извини, у меня идет операция.

Она быстро положила трубку и вернулась в операционную.

– Как дела, Мартин?

– Оптимальный доступ к аорте в четвертом межреберье достигнут, – сообщил хирург.

– Хорошо, – она снова надела маску и перчатки, подошла к столу. – Будем ставить катетер бронхоблокатора.

На взгорке, у самого кювета, одиноко возвышался старый каштан. Его ветви клонились к земле, а подрубленная снарядом макушка безвольно свисала на сучьях. Густая дорожная грязь плотным слоем покрывала ствол, поэтому он казался серым. Только сверху слегка припорошило снегом – просто окутанный пеплом великан, задремавший на перепутье дорог.

Напряженно всматриваясь в туманную даль, – нет ли попутки, – Наталья подошла к дереву, плотнее запахла воротник шинели. Ветер усилился, пошел противный мелкий снег. До штаба полковника Чижова ее довез Харламыч на телеге, а вот назад к Иванцову придется испытанным транспортом – на своих двоих. Может, все-таки поедет кто-нибудь, подвезут. А лучше всего сидеть было при штабе, не рыпаться. Но комсорг одолел. Не понимает, что ли, какая у нее фамилия. Комсомолка Голицына. Такое не придумаешь. Но Васильков – парень простой, про князей слышал что-то ненароком только в школе, голову себе не забивает. Одно с другим у него не вяжется. Даешь план по вступлению – и баста.

Вдруг вдалеке послышался легкий шум. Он постепенно нарастал. Наталья оглянулась – едут, что ли? Но это только ветер загудел. Он дул все сильнее, злее. Белесый туман

превращался в сизо-бурый, снег летел в лицо. Ветви старого каштана с гулом ударялись друг о друга. Все могучее дерево, сотрясаясь, стонало. Что-то с шорохом покатилося по земле, Наталья вздрогнула – всего лишь сук. Глаза слезились. Отвернувшись, Наталья терла веки рукой, глаза щипало. Вдруг рядом остановилась машина. Наталья и не заметила, как она подъехала. Дверца щелкнула.

– Куда направляемся, лейтенант? – спросил мужской голос.

Наталья быстро повернулась – перед ней стоял военный в звании майора. По синему верху фуражки она сразу поняла – НКВД. Только этого еще не хватало.

– Гвардии лейтенант Голицына, – отрапортовала она, отдав честь. – Следую в роту капитана Иванцова. Находилась в штабе полковника Чижова по поручению генерала армии Шумилова.

– И что это вас Чижев в такую погоду одну отправил? – майор покачал головой. – Садитесь, подвезу. Мне по дороге. Я на батарею еду, они как раз рядом с Иванцовым стоят.

– Спасибо, товарищ майор.

Хочешь не хочешь, а все лучше, чем пешком. Наталья обошла машину и села на заднее сиденье. Машина тронулась.

– Простите, не представился, – майор повернулся, протягивая ей руку. – Аксенов. Командирован из Москвы со спецзаданием. А вы из связистов?

– Нет, я переводчица при штабе.

– В темноте не разглядел, – кивнул он. – Переводчица с немецкого? – взглянул на нее заинтересованно.

– С английского. Еще могу и с французского, – ответила она. – Но пока не понадобилось ни разу. Только когда «шерманы» прикатили, так какую-то инструкцию американскую читать пришлось.

– Мне как раз человек с хорошим немецким нужен, – по-луобернувшись, Аксенов положил левую руку на спинку сиденья. – Ребят моих подучить. У вас как?

Наталья пожала плечами.

– Не знаю. Немцы не жалуются. Понимают, вроде. И я их понимаю. Бывает, конечно, австрияки попадают или из Мюнхена южные немцы, там посложнее произношение. А так двадцать раз не спрашиваем. Ни они меня, ни я их.

– А вас как зовут? – майор наклонился вперед, присматриваясь к вошедшей.

– Наталья Григорьевна, – ответила она. – Можно Наташа.

– Сергей Николаевич. А вы, Наталья Григорьевна, на фронте давно?

– Со Сталинграда.

– А сами откуда?

– Из Ленинграда.

– А язык откуда знаете? Закончили что-то?

– Ничего закончить я не успела, кроме школы, – Наталья вздохнула. – Хотела на историко-филологический поступать

в университет. Но тут война. Я на летние каникулы к старому другу своего отца поехала, в станицу. Думала, отдохну месяцев, а там поступать. А тут, как началось, – майор понимающе кивнул. – Я хотела в Ленинград вернуться, не вышло. Осталась у дяди Миши. Думала, до Волги не дойдут. А как дошли, – и чего это она разговорилась, да еще с энкавэдэшным майором, за зубами язык держать нужно, помалкивать. – Как дошли, с нашими частями ушла. В госпитале работала санитаркой. Немцы фронт прорвали, мы с девчонками впятером, у нас раненых – все тяжелые, деваться некуда. А впереди только зенитчики, и те девчонки, только со школы. Один офицер над ними. Бегают вокруг пушек, плачут, кричат, страшно, – голос у Натальи дрогнул, – маму зовут. А что звать – стрелять надо. Танки прут. Пушки на прямую наводку. Их там всех перебило. Мы с подружками тоже пошли, когда тех почти не осталось. Так что сразу пришлось пострелять. Двух девчонок у меня на глазах в клочья разнесло. Ну а трое в живых остались, я в том числе. Наши переправу навели, и моряки подоспели, Каспийской флотилии. Вот такое крещение было у меня, Сергей Николаевич. Потом уж легче стало. Когда Паулюс сдался, много переводчиков потребовалось, вот тогда узнали, что я немецкий знаю, я с учительницей занималась до войны. Меня Михаил Степанович Шумилов взял к себе. Так я при нем. И сейчас тоже.

Машина свернула и остановилась у домика с черепичной крышей, где располагался штаб батальона.

– Приехали, товарищ майор, – доложил шофер. – Расположение Иванцова.

– Спасибо, Сергей Николаевич, – Наталья взялась за ручку двери. – Очень выручили.

– Вы дорогу-то знаете? – озабоченно спросил он. – А то темно уже.

– Знаю, – уверенно кивнула она. – Тут за виноградниками, недалеко.

– Ну, желаю удачи, Наталья Григорьевна, – майор приветливо кивнул. – Рад был познакомиться. Я вас найду. Обязательно. А нам дальше.

– До свидания.

Она вышла из машины. Снова заработал мотор, автомобиль тронулся. Назвав часовому пароль, Наталья спустилась в лощину и по вытоптанному винограднику, пробираясь между редкими кустами и ямами, направилась к Иванцову. Идти приходилось на ощупь. Стало совсем темно. Где-то рядом слышались людские голоса, изредка раздавались выстрелы и беспрерывно в разных местах взлетали вверх осветительные ракеты, с трудом пробивая сгущавшийся туман. Наталья все время спотыкалась, чуть не падая. От вспышек ракет темнота казалась густой, черной, привыкнуть к ней было совершенно невозможно. Изредка то там, то здесь раздавались глухие выстрелы, словно кто-то этими выстрелами перекликался в темноте.

– Пароль, – снова услышала она строгий голос часового. –

Проходите. К Иванцову? Осторожно, там ступеньки. А то все падают, предупреждать устали.

– Спасибо.

Наталья осторожно спустилась в темное углубление в земле – землянку командира роты. Мелькнул и тут же скрылся красноватый просвет. Кто-то дернул плащ-палатку, которой был занавешен вход. «На передовой надо соблюдать маскировку, – учил ее Иванцов. – Это тебе не при штабе расхаживать, юркнула – и не заметил никто».

Так она и сделала – юркнула в землянку, тут же опустив за собой прорезиненное полотно плащ-палатки. Яркий свет ослепил ее, и она, щурясь, остановилась возле какого-то ящика, похожего на стол.

– Наталья Григорьевна! Ну, заждались уже. Я даже подумал: мож, у Чинова останешься, погода плохая больно.

– Нет, Харламыч, куда там денешься? Все и так друг у друга на голове сидят. Тесно.

– У нас тоже не раздолье, но привычнее будет. Садись, садись, девонька. Шинельку давай, у нас тепло, светло, как в квартире. Верно, лучше, чем даже у Чинова в его доме.

Высокий, с лысой головой и обвислыми рыжеватыми усами и длинными руками солдат подошел к Наталье.

– Я и чайку согрел.

– Спасибо, Харламыч, – Наталья растегнула пуговицы на шинели, сдернула шапку, поправляя волосы. Усатый солдат заботливо принял из ее рук одежду.

– Сейчас, сейчас. Да ты не стой, в ногах правды нет. Вот сюда подходи, чего как не родная? Небось не первый день у нас.

Он подвел Наталью к самодельному столику, усадил на ящик, заменяющий стул, поставил перед ней алюминиевую миску с мясом и жареными макаронами.

– Кушай, девонька.

– Я только чаю просила, – Наталья смутилась.

– А чай что? – Харламыч пожал плечами. – Вода она и есть вода. А силу-то где брать, небось ни маковой росинки во рту с утра?

– Да, верно, – призналась Наталья, – есть хочется.

– Вот и кушай. И запить чем тоже найдется, – он налил в стакан красного вина. – Все получше чая будет. Сейчас капитан подойдут со снайпершей. Все вместе и покушаете, потолкуете.

– Да, Харламыч, тепло у тебя, а на улице – жуть, – Наталья отпила вино.

– Наше дело крестьянское, – откликнулся тот, наклонившись к печке. – Первым делом стопи, дров заготовь, чтобы и дальше было чем топить. А вот и разведка вернулась.

В землянку спустились солдаты в камуфляже, старший сержант над ними.

– Садись, садись, Косенко, садись, ребята, – Харламыч загремел мисками.

– Разрешите, товарищ лейтенант, – скинув мокрый плащ,

коренастый плотный разведчик пододвинул ящик к столу.

– Да, конечно, – Наталья даже смутилась. – Какие церемонии!

– Зря ходили, – опрокинув стакан с вином, сказал сержант Харламычу. – Весь передний край брюхом проелозили, нет стоящего языка. Все мелочь какая-то, шантрапа. От них какие сведения получишь. Что он утром на завтрак ел, это кому надо?

– Ничего, Миша, повылезает еще, – успокоил его Харламыч и подвинул миску с дымящимися макаронами, – ешь. Куда им деться-то.

– Наталья Григорьевна здесь уже? – в землянку спустился капитан Иванцов. – Харламыч, накормил?

– А как же, мы свою службу знаем, – откликнулся солдат.

– Сейчас эта Прохорова придет, – Иванцов как-то кисло дернул щекой. – Ногу подвернула. Санитары ей вправляют. Кто бы ей голову вправил, я бы тому в ноги поклонился. Давай, Харламыч, миску-то.

* * *

– Ты не горячись, Надя, не надо, и не расстраивайся, – шепнула Наталья новой подруге, мелкими глотками допивая вино. – Мне завтра в штаб Шумилова только к семнадцати надо. Так что утром вместе пойдем, я рядом буду, погляжу, чтоб никто не дергал по-пустому. Все получится, я уверена.

Тогда и капитан отношение поменяет. Его тоже понять можно. Не хочется быть хуже всех.

Спустя час в землянку набилось много народа. Люди стояли, сидели на нарах и прямо на земляном полу. Солдаты, сержанты, офицеры. Многие небриты, в грязном обмундировании, с обветренными лицами и загрубелыми руками. Простые русские мужики, да и не только русские. Было два казаха. У одного фамилия – язык сломаешь – Турбанбердыев, так Иванцов за два года войны так и не выучился ее выговаривать. Всегда кричал: «Этого зови, Турбан... вот черт, ну, сам знаешь!» Ну, украинцы, конечно, с мягким окающим говорком, белорусы. В основном из деревень, из глубинки. Одних она знала меньше, других больше. У Иванцова она чувствовала себя спокойно. Капитан ее в обиду не давал – любого на место поставит, только брякни что-нибудь. Так постепенно и отстали все, привыкли, чуть ли не своей считать стали. С ними она чувствовала себя лучше, чем при штабе с офицерами, которые часто и пороха не нюхали. И смерти не боишься. А что бояться? Вначале боялись, а потом отпустило, как говорит Иванцов. И ее тоже отпустило после Сталинграда. На передовую она не боялась приезжать, даже стремилась сюда при каждом удобном случае.

– Ночевать с Прохоровой пойдешь, – шепнул, подсев, Харламыч, – она с санинструкторами в землянке. Я им сегодня дровишек подбросил, прибрал слегка, пока капитан наш Прохорову уму-разуму учил, а санинструкторши ране-

ных отправляли. У них там зеркальце, мыльце, все, что женщине надо, есть.

– Спасибо, Харламыч, – Наталья с благодарностью сжала его руку. – Я не привередливая.

* * *

Он провел обеих до землянки.

– Прохорова, под ноги смотри, – Надя поскользнулась и охнула, Наталья подхватила ее под руку. – Без второй ноги останешься, кто тебя на руках носить будет. Вот уж капитану радость.

– Не волнуйся, Харламыч, иди, – отпустила его Наталья. – Мы и сами справимся.

– Ну, надеюсь на тебя, Наталья Григорьевна, – тот усмехнулся в усы. – Прохорова у нас – сокровище ротное. Другого-то снайпера нет. Да такого и по всему фронту не сыщется. Ладно, до утра, девоньки. Если что надо, зови, Наталья.

– Конечно, Харламыч. Спасибо тебе.

– Вот так все издеваются надо мной, – пожаловалась Надя, укладываясь на жесткий, дощатый топчан.

Наталья расстелила шинель, легла на приготовленный топчан рядом. Напротив у стенки спала санинструктор. Вторая в землянку еще не вернулась.

– Я только сегодня благодаря тебе себя человеком и почувствовала, – призналась Надя, – а так все одна, одна. Ка-

питан ругается. А тебе, Наташа, нравится здесь кто-то? – она придвинулась. – Ну, молодой человек, там, при штабе?

– Был. Не при штабе, конечно, – Наталья вздохнула. – Здесь, на передовой, был. Но его убили под Курском. Сама видела. Сгорел в танке.

«Оберштурмфюрер СС. Сгорел в танке. Очень любопытно, – с горькой иронией подумала она про себя. – Особенно для того майора из НКВД, который меня сегодня на машине подвозил. Она – лейтенант Красной армии, он – оберштурмфюрер СС. Встретились случайно, он приехал на танке в деревню, где она жила. Собой красавец, насмешил до упаду. Она растаяла, влюбилась. А потом она под Сталинградом из пушки по таким же, как он, стреляла и из такой же пушки и его грохнули. Он сгорел в танке, а она осталась. Шекспир, да и только. Ромео и Джульетта. Вот только Джульетта до сих пор жива. Особисты проглядели».

– Ты переживала, да? – Прохорова придвинулась еще ближе. – Очень любила? Чего молчишь-то? Плачешь?

– Нет, не плачу, – ответила Наталья тихо. – Отплакала уже свое. Но никто другой не нужен. Его помню, хоть тресни. Никого больше не хочу. Как отрубил.

– Красивый был? – Прохорова спросила с придыханием.

– Да, только это не главное вовсе, – Наталья пожала плечами. – Я даже не знаю, что главное. Я его полюбила и все. И до сих пор люблю.

– Ох, счастливая ты, Наталья, – в голосе Нади промельк-

нула зависть. – Хотя и погиб, а такое было. Мне бы так.

– Так тебе, Надежда, точно не надо, – Наталья резко обрывала ее рассуждения. – Погиб, что хорошего? Чему завидовать? Спи лучше. Нам вставать рано. Тебе выспаться нужно, чтоб не зевать потом в окопе.

И, завернувшись в шинель, повернулась к ней спиной.

– Я не понимаю, что мы здесь завоевать хотим, это просто пустыня какая-то: солнце палит, ни травинки.

– Что мы здесь завоевать хотим, это не наше дело, Штефан, фюреру виднее. Я бы на твоём месте меньше рассуждал об этом.

– Очень ты, Людвиг умный, осторожный такой. Ты пушку проверил? Ее клинит все время.

– Да все клинит, жара. Мотор и тот вот-вот сдохнет.

– Фрейляйн, фрейляйн, воды не найдется? Куда это она?

– К мамаше, наверное, прятаться.

– Сейчас я посмотрю. Фрейляйн, воды...

Она в испуге бросилась в сени.

– Ты куда лезешь, куда лезешь, – тетка Анна больно схватила за руку, – в платье вырядилась. Я тебе сказала: салоп надень, чтоб до пят. Они же бешеные. Баб нету, только и ищут, какую бы дуру изловить. А ты высунулась.

– Фрейляйн...

– Нет тут никого! Никого!

– Фрейляйн, нам бы воды. Ничего не понимают, Людвиг. Ну и страна! Хотя на каком языке спрашивай, ответа не до-

ждешься.

– Я понимаю, сейчас принесу, – она вдруг шагнула вперед. Прятаться, бояться надоело. Как чувствовала – плохого не будет.

– Куда? Куда? Вот оглашенная, – кричала тетка, схватила, стукнула по плечу.

– Пустите меня, Анна Михайловна. Я не боюсь.

– Обрюхатят, поздно бояться будет, – она вышла на крыльцо.

– Идемте, я наберу воды.

– Вы говорите по-немецки? – Штефан присвистнул. – Да мы сами наберем, только покажите, где.

– Идемте.

Она подвела его к колодцу.

– Почти пересох, – сказала, глядя в землю. – Если что за ночь набирается, потом мелеет быстро, испаряется все.

Взялась за колесо. Он подошел сзади, она напряглась, почти сжалась. Но он только осторожно отстранил ее.

– Я сам, фрейляйн, позвольте.

Зачерпнув воды, вытащил ведро, перелил в другое ведро, пустое, стоявшее рядом.

– Спасибо, фрейляйн.

Она растерянно пожала плечами, переступила с ноги на ногу, не зная, что делать: убежать не убежать. Потом подняла глаза. Он стоял перед ней – высокий, статный; воротник рубашки под кителем расстегнут. Мускулистая загоре-

лая шея, плечи широкие, сильные; лицо черное от загара и гари, на нем светлые большие глаза смотрят внимательно, серьезно, совсем не зло; белокурые волосы растрепаны, присыпаны пылью и пеплом.

– Спасибо, фрейляйн.

– Наташка, Наташка, ты чего кричишь? – Прохорова трясла ее за плечо. – Приснилось, что ли, что?

Она вскинула голову.

– Что? Что случилось? Пора уже?

– Да ты так кричала, прямо навзрыд, – Прохорова села рядом. – Его вспомнила, что ли?

– Да нет, так простудилась малость, – Наталья больше о своих чувствах говорить не хотелось. – Теперь вот температура крутит, то поднимется, то вроде снова ничего.

– Так ты у Раи, санинструкторши нашей, какое-нибудь лекарство возьми, – тараторила Прохорова.

– Знаю я Раины лекарства, – Наталья поморщилась. – Тут одно лекарство: спирту хлебнул, и все прошло. Но это не по мне. Ладно, как-нибудь сама справлюсь. Сколько времени-то? Может, идти нужно? – она полезла за часами.

– Девчата, завтрак! – наверху послышался голос Харламыча. – Как там у вас, зайти можно?

– Заходи, заходи, – крикнула Наталья. – Встали мы уже.

– Вот и ладненько, – Харламыч спустился в землянку, в руках у него был повидавший виды медный чайник и котелок, закрытый крышкой.

– Чайку, девчата, – он все расставил на столе, – вот горяченькой картошечки с мясом. Ешьте, ешьте, золотые мои. Погодка сегодня славная, солнышко встает, подморозило. А вчера как крутило. Кстати, Наташка, – он вдруг усмехнулся, – а сегодня с утречка пораньше за тобой еще один фрукт из штаба Шумилова пожаловал, – сообщил он. – Позицию ему, видите ли, проверить надо, какие-то схемки чертит. Такой занозистый мужичок.

– Кто такой? – Наталья положила несколько кусочков мяса на хлеб, отпила чая из кружки.

– Коробов, кажись, фамилия, – Харламыч, нахмурился, вспоминая. – Ну, да, Коробов. Так они с капитаном нашим поцапались уже. Все время у него под ногами вертится.

– Коробов?! – Наталья чуть не поперхнулась. – Вот принесла нелегкая!

– Кто это? – Прохорова наложила себе целую миску картошки и уминала за обе щеки с аппетитом.

– Да хлыщ один штабной, – Наталья скривилась так, словно проглотила кислый лимон, причем целый. – То его на передовую арканом не затащишь, а то примчался – позицию ему покажите. Думает, пока затишье, так быстро обернется.

– За тобой небось прискакал донжуан-то, – Харламыч заговорщицки подмигнул Прохоровой. – Неймется ему все. Его вся дивизия знает, байки рассказывают.

– Да, прямо не вздохнешь от его ухаживаний, – Наталья допила чай. – Наконец-то для него поручение нашли. Если

выполнит хоть что-то, то это просто невиданное событие будет.

Взяв шинель, решительно встала из-за дощатого столика.

– Ну, ты долго жевать будешь? – строго посмотрела на Прохорову. – Кто же так наедается перед тем, как на противника охотиться? Я хоть не снайпер и вообще к боевым делам мало отношения имею, но мне и то понятно. От такой порции только на боковую завалиться, а не немца отслеживать. Заснешь. Да и вообще женщине так много есть нельзя.

– Ну, где эта Прохорова? – наверху слышался недовольный голос капитана Иванцова. – Я думал, она давно в окопе, а ее еще ни сном ни духом. Да Федулова та давно уже бы на месте сидела, приглядывалась бы, приспособливалась, как удобнее. А эта дрыхнет еще. Харламыч! Буди снайпершу. Ты у них там?

– Да они уж встали давно, идут, – Харламыч высунулся из землянки. – Я им картошечки. Ты не серчай, Степан Валерьянович... Идите, идите, – подтолкнул обеих девчонок.

– Картошечки! Картошечку еще заслужить надо...

– Это из-за меня, Степан Валерьянович, не серчай, – Наталья решила прикрыть Прохорову, чтобы та особенно не расстраивалась, – вчера долго болтали, я виновата.

Она вышла из землянки и пошла по глубокому ходу сообщения. Прохорова мелкими шажками семенила за ней.

– Где твоя ячейка? – Наталья повернулась к ней.

– Вон там, – Прохорова ткнула пальцем.

– Ну, так веди.

– Лейтенант Голицына, а вы почему вчера в штаб не явились? – откуда-то сверху свалился Коробов и встал перед Натальей, отряхиваясь.

– А у меня, капитан Коробов, приказ явиться сегодня к семнадцати, – Наталья оттолкнула его, проходя вслед за снайпером. – Я еще задание не выполнила.

– А что тянете?

– А твое какое дело, Коробов? Ты чего сюда прикатил? Ты иди, иди, Надя, не оглядывайся, – сказала она Прохоровой. – Обустраивайся. Я сейчас. Только вот с товарищем капитаном побеседую. Ты что, Коробов, не понимаешь? – она подошла, взяла его за портупею. – Ты мне осточертел. Я от тебя, а ты за мной.

– Да нужна ты мне!

Коробов повернулся на каблуках и тут же наткнулся на Иванцова.

– А вы, капитан, что кричите? – одернул тот его. – Сейчас снайперу работать надо, снайпер шума не любит, у него работа тихая. А вы воздух зря сотрясаете. Вы всю позицию сверили, все записали?

– Записал...

– Так и езжайте в штаб. Не мешайте людям.

– Я...

– Пройдемте, капитан, пройдемте, я вам еще кое-что покажу, чего вы явно не заметили.

Потянув Коробова за рукав шинели, Иванцов увел его с собой. Наталья вошла в окоп к Прохоровой.

– Слава богу, даже дышать легче стало, – сказала она.

– А что, ухажер твой? – спросила та, не скрывая любопытства.

– Он разве что козе рогатой не ухажер, – ответила Наталья раздраженно. – Ты давай вперед смотри, а не о Коробове думай. А то опять капитан разносить будет, и поделом, кстати. Ты, Надя, невнимательная. Все о ерунде какой-то думаешь. Сосредоточься на деле.

На востоке едва приметно заалело небо; жиденький туман, стелившийся по земле, стал рассеиваться; показались траншеи противника. Наталья всматривалась в расположение немцев, но ничего, кроме черных бугров, простым глазом, конечно, не видела. Оставалось надеяться, что Прохорова в снайперский прицел видит больше. Прошел час. Наталья даже замерзла стоять, и про себя жалела, что подвизалась на все это – Прохоровой помогать. Пусть делает, как знает.

– Что там, Надя? – спросила, не утерпев, когда пошел уже третий час их ожидания.

– Да, никого, точно вымерло все. Вчера там солдат полно было, – добавила она шепотом, – а сегодня куда подевались?

– Ладно, наблюдай, не отвлекайся, – подтолкнула ее Наталья. Она уже поняла: с Прохоровой только начни болтать, она не остановится. Надя снова прильнула к окуляру.

Понимая, что она в данном случае не помощник, Наталья смотрела равнодушно на черный изгиб вражеской траншеи, перед которым виднелись колья и паутина проволочно-го заграждения. Сзади поднималась вверх серо-черная, изрытая окопами, равнина. Виднелись какие-то нагромождения из кирпича.

– Вон, вон, в развалинах, – радостно прошептала Прохорова.

Наталья подалась вперед, но толком ничего не рассмотрела, только что-то серое за бурой грудой кирпича. Прохорова заерзала, ей сразу стало тесно в окопе, даже Наталью ногой лягнула.

– Мне ж три года только и трещали про этих немцев, а вот они немцы, вот они, гады, – шептала она.

– Ты не заводись, не заводись, – Наталья решила охладить ее пыл. – Ты прицелься хорошенько и стреляй. Только спокойно, не волнуйся.

Прохорова нащупала пальцем спусковой крючок и затаила дыхание. Она подводила перекрестье прицела даже излишне старательно, как показалось Наталье. «Как бы не переборщила опять, – подумала Наталья с тревогой. – Видно, старается, но и перестараться тоже вредно».

– Сейчас, сейчас, – шептала Надя, – никогда не жди выстрела, так говорили в школе, иначе промахнешься.

– Стреляй, чего медлишь?

– Есть! – Прохорова нажала на крючок и тут же запрыгала

на месте. – Попала! Попала! Я в офицера попала! – схватила Наталью за плечи.

– Ну, молодец, вот видишь, – Наталья тоже обрадовалась, хотя сомнения одолевали... Обычно офицер – это хорошая добыча для опытного снайпера, не то, что для начинающего.

– Прохорова! Сколько можно, Прохорова! – злой голос Иванцова на обеих произвел впечатление ледяного душа.

Капитан спрыгнул в окоп, щеки у него были пунцовые.

– Так она ж попала, Степан Валерьянович, – вступилась за новенькую снайпершу Наталья. – Ты попала? – она повернулась к Наде.

– Да, попала, – ответила та обиженно.

– Да ты сама посмотри, в кого она попала, – Иванцов сунул Наталье свой бинокль. – В бабу какую-то попала. Ты не видишь, я понимаю, но она-то, у нее окуляр для чего?

– Что действительно женщина была? – Наталья взглянула в бинокль.

– Да, – подтвердила Прохорова. – Но у нее погоны на плечах, не меньше полковничьих.

– Дорогуша моя, – прикрикнул на нее Иванцов. – Откуда? Тебе приснилось, что ли, Прохорова? У немцев баб в офицерах сроду не бывало. Это ты с перепугу, видать. Показалось тебе.

– Да погоны у нее...

– Да, погоны, – подтвердила Наталья, – только не попала в нее Прохорова.

Она смотрела в бинокль, и сердце ее вздрогнуло. Что-то знакомое показалось ей в этой тонкой фигурке немецкой офицерши в зеленой походной шинели СС.

– Там немцы вокруг нее суетятся, – продолжила она. – Все правильно, Прохорова, офицерские погоны, и больше того, СС.

– СС?! – в голосе Иванцова слышалось явное недоверие. – Что вы мне, девчонки, завираете? Ну, с Прохоровой все ясно, а ты-то, Наталья, что? Не первый год на фронте, сама все знаешь, или тоже не выпалась сегодня?

– Сам посмотри, Степан Валерьянович, – Наталья вернула Иванцову бинокль. – Выспались не выпались, а факты – штука упрямая.

– Что, немецкую пэпэжэ поранили? – подскочил, спотыкаясь, Коробов. – Дайте посмотреть.

– А тебя что принесло? – Наталья отстранилась от него. – Без тебя не разберутся?

Иванцов смотрел в бинокль. Потом сказал, но не очень уверенно:

– Это же артистка какая-то, что ли. Кино снимают немцы для поддержания боевого духа.

– Что, артистка? – Коробов выхватил у Иванцова бинокль. – Дайте посмотреть!

– Дайте, дайте специалисту.

– Да, красивая. Точно, артистка.

– Но на артисток, Прохорова, разнарядки не было, – сно-

ва накиннулся Иванцов на снайпершу. – Артистки не в счет. Будь они хоть при генеральских погонах. А ты себя уже открыла. Сейчас немецкий снайпер заработает, а ты опять в нуле. А спрос с кого? С меня. И придется мне докладывать. Только что?

– Тебе, Прохорова, поучиться еще надо, – не отрываясь от бинокля, заметил Коробов. – Так-то ты девка ладная. Глаз у тебя хороший, а вот рука слабовата. Ты вечером заходи как-нибудь, я тебя поучу.

Из соседнего окопа слышались смешки.

– Что хихикаем? Что хихикаем? – Коробов взвился. – Отставить.

– Куда ж ей зайти, если твое место при генерале Шумилове, – поддела его Наталья, – или совсем на передовую перебраться надумал?

– Но только я скажу, это не женщина, – заявил вдруг Коробов.

– А кто же это, мужчина? – Наталья насмешливо взглянула в его сторону.

– Но женщина должна быть...

– Очень интересно.

– Во, – Коробов развел руками на уровне груди, – и во, – то же самое на уровне бедер. – Ну, чтоб было, за что подержать. А эту разве возьмешь, тростиночка, ее ремнем пополам переломило. С такой нормальному мужику делать нечего. Обнимешь – она рассыплется.

– Да обнимать тоже умеючи надо, Коробов. Что лезть, как «Королевский тигр» на батарею. Бинобль-то отдай, – Иванцов выдернул у него из рук бинобль. – Женщины обхожде-
ньице любят.

– Стихи, что ль, почитать?

– Стихи тоже можно, – Иванцов внимательно смотрел на немецкие позиции.

– Ну и волосы у нее, – не унимался капитан. – Разве у нормальной женщины такие волосы бывают?

– А что волосы? – Наталья пожала плечами. – Собраны косой под пилоткой. Как у всех, как у меня, кстати.

– Да, это артистка, – заключил Иванцов на полном серьезе через минуту. – Опять патрон зря потратили. Но посмотреть – душа радуется. Все-таки ты ее поранила, Прохорова, – вдруг сообщил он. – Присела она. И немцы забегали.

– Дай, дай посмотреть, – пристал снова Коробов.

– Не лезь, – оттолкнул его Иванцов. – Не твое тут дело.

– А вон эсэсовец какой-то на БТРе прикатил. Но это точно полковник, вот этого надо снять. Давай, Прохорова, жми!

– Да я не вижу, где? – Надя прильнула к окуляру.

– Да, вон на руках ее понес. Давай, Прохорова, это сразу на орден Красной Звезды, такого шлепнуть. Да левее, левее ты, Прохорова, – Иванцов поправил винтовку снайперши.

– Ой, – Наталья поскользнулась и слегка толкнула Надю ногой.

Выстрел прозвучал, но прошел мимо.

– Эх, Наташка, все смазала! – сердито махнул на нее рукой Иванцов. – Сейчас бы всем по медали. Асс такой выскочил!

– Но я же не нарочно, Степан Валерьянович!

– Да я что говорю, нарочно, что ли? – Иванцов опустил бинокль. – Все, уехали они: и артистка эта, и эсэсовец, опять никого. Что ты, Прохорова, все тянешь? – он посмотрел на Надю, как на пустое место. – Все тянет, тянет что-то. Языком мелит. Целься, стреляй и – готово. А теперь опять по шее надают. Вот уж повезло со снайпером. Разряжай, Прохорова, поздно. Сейчас артиллеристы работать начнут, твое время закончилось.

Он вылез из окопа и, опустив голову, пошел по ходу сообщения.

В это время чиркнула пуля. Коробов пошатнулся, охнул, осел на землю. Во лбу у него красовалась дырка – аккуратная, ровная, точно на картине, из нее сочилась кровь. Он смотрел вверх безжизненными, остекленевшими глазами.

– Товарищ капитан! – завизжала Прохорова, прижавшись к стенке окопа.

– Тихо, Надя, – Наталья склонилась над убитым. – Не удастся зайти тебе к нему вечером. Противный был этот Коробов, но все равно жалко. Глупо как-то.

– Немецкий снайпер работает, всем в укрытие! – услышали они крик Иванцова, он бежал назад.

– Пошли, пошли скорей, – Наталья побежала по ходу сообщения, таща за собой вконец растерявшуюся Прохорову.

Снова подул ледяной ветер, легкие снежинки завихрились в воздухе. Глухо ударили пушки. Через несколько секунд над головой прошелестели снаряды. Далеко, на немецких позициях, взлетели клубы черного дыма. Наталья спустилась в землянку. Прохорова поскользнувшись, проехала за ней, громяхая винтовкой по обледенелым ступеням.

– Осторожно, федуловскую винтовку попортишь, – предупредила ее Наталья. – Может, та еще вернется. Вместе во-евать придется. Она тебе за винтовку врежет.

– Ой, я так напугалась, – призналась Надя взволнованно. – В первый раз убитого увидела.

Наталья покачала головой.

– У всех в первый раз бывает.

Санинструкторов в землянке не было. Наталья зажгла лампу из артиллерийской гильзы. Красноватый свет озарил черные стены, узенькие топчаны, столик в углу. На нем, старательно прикрытые телогрейкой, стояли два котелка.

– Не забыл Харламыч, – улыбнулась Наталья, – принес обед. Только остыл. Подогреть надо.

Она присела на корточки перед малюсенькой железной печкой, нащипала лучину и, найдя в углу небольшой кусок газеты, подожгла.

– Дров тоже принес. А ты, Надежда, – она повернулась к Прохоровой, – ты пока за водой сходи к ребятам. Потом пообедаем, да я поеду. Мне к генералу надо. Опаздывать не-го-же.

– Я сейчас, – бережно прислонив винтовку к стене, Прохорова схватила котелок и выбежала из землянки.

Наталья смотрела на огонь и все вспоминала происшествие, которое случилось утром. Женщину в немецкой шинели с офицерскими погонами. Неужели она? Неужели мать Штефана? Ей показалось, что она узнала ее, иначе заставила бы Прохоровой выстрелить второй раз. Неужели снова друг против друга? Неужели она там? И неужели Прохорова ее все-таки ранила?

Йохан осторожно взял Маренн на руки и поднял ее на БТР. Она тяжело дышала, кашляла, в уголках губ выступила кровь.

– Что? Что? Куда? – спрашивал он встревоженно и вытирал марлей испарину на ее лбу, сочащиеся кровяные сгустки. – Поехали! – приказал водителю. – Быстро! В госпиталь! Как ты здесь оказалась?

– Ничего. Ничего серьезного, – она облизнула губы, прислонившись головой к его руке. – Только царапнуло. Впервые за две войны, – она закашлялась, потом, проглотив слюну, продолжила. – В восемнадцатом году я девчонкой бежала под огнем французских пушек, и хоть бы один осколок задел меня, а тут... Трудно дышать, – она посмотрела ему в лицо большими зеленоватыми глазами, слезившимися от боли.

Он прижал ее к себе.

– Крамер, доктора Виланда мне, – приказал оберштурмфюреру.

– Слушаюсь, – через минуту тот передал трубку. – Доктор Виланд, штандартенфюрер.

– Мартин! – Йохан прижал трубку плечом к щеке. – Ким ранили на передовой. Я везу ее. Я не знаю, что с ней, это ты мне скажешь, что с ней. Приготовься.

– Мартин, ничего страшного, – Маренн подняла голову. –

Не пугайтесь. Я думаю, задета периферическая доля легкого. Нет, пуля прошла по касательной, просто царапнула и все. Небольшое кровотечение. Нужно будет сделать надрез, дренировать, перетянуть сосуд и наложить шов, пустячное дело, не волнуйтесь. Нет, что вы, никаких серьезных сосудов не задето, я уверена, иначе кровотечение было бы намного сильнее. Приготовьте самую тонкую шелковую нить. Я говорю вам, не волнуйтесь, Мартин, я же знаю все. Все обойдется.

– Ты понял? Жди!

БТР притормозил.

– Что встали? – Йохан отдал трубку и повернулся к водителю.

– Да кто их знает.

В узкой горловине между двух заросших деревьями холмов ревели моторы, кричали люди.

– Обьезжай их, – приказал Пайпер.

БТР круто развернулся, но Маренн даже не почувствовала этого. Йохан удержал ее, заботясь, чтобы ее не качнуло.

– Виланд сказал, что больше ничего серьезного не будет, – проговорила она, прижимаясь к его груди, – он сам справится, и я решила отправиться к тебе. Он сказал, вы помешались на нем, фрау Ким. Он на вас помешался, а вы на нем.

– У него один диагноз для всех, – Йохан улыбнулся и поцеловал ее в висок. – Как он только лечит? Я сам приеду.

– Я не боюсь, я прекрасно ориентируюсь, я давно привык-

ла. Я остановила БТР и попросила, чтобы меня подвезли. Но по пути я встретила полковника Брандта, это врач из семнадцатого армейского корпуса. Я его знаю еще с Польши. Он попросил меня дать совет насчет состояния одного офицера, он сильно обгорел. Я сошла с БТРа и поехала с ним...

Она снова закашлялась, изнутри прорвался характерный хлюпающий звук. Она замолчала, зажав рот рукой.

– Но госпитали не располагаются на переднем крае, – он приподнял ее, чтобы ей было легче дышать. – Как произошло, что ты очутилась под самым носом у большевиков?

– Я увидела лисицу, – она смущенно улыбнулась, капелька крови скользнула по губам.

– Лисицу? – Йохан вытер кровь, внимательно посмотрел на нее. – Какую еще лисицу?

– Ну, самую обыкновенную, рыжую. Она юркнула в те развалины, около которых меня подбили. Я пошла, чтобы посмотреть, куда она побежала.

– Это все из-за лисицы? Она ловила лисицу, – Йохан покачал головой, в его глазах она прочла нежный упрек. – Ты забыла о снайперах? О своем звании?

– Нет, я не забыла о снайперах. А о звании тем более, – она провела пальцами по его щеке. – Но я думала: еще рано, туман, я успею.

– Хорошо, что снайпер у них тупица или просто неопытный. Но больше не надо говорить, молчи.

Она снова начала кашлять. Кровь пошла сильнее.

– Дай мне снега, – попросила она.

– Снега?

– Да, да, снега, надо что-то холодное.

– Но он же грязный.

– Это не имеет значения.

– Стой! – приказал Пайпер водителю.

БТП замер.

– Крамер, принесите снег!

Оберштурмфюрер спрыгнул с машины, набрал снег в фуражку, протянул Маренн. БТР снова тронулся. Она брала снег щепотками и клала в рот, заставляя себя глотать его. Крови действительно стало меньше.

* * *

Через несколько минут БТР на полной скорости въехал во двор госпиталя и остановился перед крыльцом. Доктор Виланд выбежал навстречу.

– Как? Как это все получилось?

– Зачем ты ее отпустил? – Йохан осторожно спустился с БТРа, держа Маренн на руках.

– Я отпустил?! – Виланд развел руками. – Меня здесь кто-нибудь спрашивает? Она решила и пошла. А что, куда – разве меня касается!

– Мартин, успокойтесь, это ерунда, просто задело, – Маренн протянула руку и едва коснулась пальцами его локтя.

– Ну что ты встал? – одернул его Пайпер. – Куда нести? В операционную?

– Да, да, в операционную, сюда, – Виланд почти бежал впереди.

Йохан бережно положил Маренн на стол. Пока санитары снимали с нее обмундирование, он взял Виланда под руку и вывел в соседнюю комнату.

– Это, правда, не серьезно?

– Я не знаю, Йохан, надо смотреть, – доктор сдернул очки и начал их отчаянно тереть, как всегда, когда волновался. – Сейчас будем смотреть. Если все так, как она говорит, и пуля задела периферическую долю, далеко от корня, то действительно ничего страшного нет. Ранение пустяковое. Правда, пустяковое для крепкого мужика, у которого мускулатура, масса. А фрау Ким – женщина тонкая, она же, как тростинка, тонкая, для нее все – испытание. У нее тело разве что не просвечивает. Для красоты – хорошо, но вот для ранений – плохо, все внутренние органы под ударом, мало защищены. Но это еще полбеды. Страшно другое, – Виланд сделал паузу, скулы дернулись на лице.

– Что? Что, говори, – Йохан неотрывно смотрел на него.

– Придется делать наркоз, эфирно-кислородный, а для нее любой наркоз чрезвычайно опасен. У нее слабое сердце, Йохан. Очень слабое. В сорок втором году у нее был сердечный приступ, от усталости, прямо у меня в госпитале. Тогда нам с трудом удалось поставить ее на ноги, пришлось делать ка-

тетеризацию. Это хорошо, что я оказался рядом, и все случилось в госпитале, а если бы в гостинице или на обратном пути в самолете, был бы летальный исход. Такие болезни не лечатся, их можно приостановить, но только не при том образе жизни, который она ведет. Скорее всего, после смерти Штефана в сорок третьем все только усугубилось. Наркоз – это огромная нагрузка на сердце. Я не знаю, как она его выдержит.

– Мы будем делать все просто под новокаином, – Маренн поднялась на локте, услышав слова Виланда. – Мартин, идите сюда. Не надо там шептаться. Я все равно все слышу. Новокаина будет достаточно. Не надо никакого наркоза.

– Но, фрау Ким, – Виланд надел очки и вошел в операционную. – Ведь новокаин не гарантирует...

– Я все знаю, Мартин, – она снова опустила голову и закашлялась. – Если что, я потерплю, я не боюсь боли. Но так будет быстрее. Меня ведь ждут раненые солдаты, у меня приказ, мне некогда разлеживаться под наркозом. Делайте новокаин, и хватит спорить. Мы прекрасно справимся.

– Ну, хорошо, тогда начнем, – доктор немного растерянно поправил халат, надел маску на лицо. – Йохан, – он повернулся к Пайперу, – поезжай в полк. И не надо надирать мне связь. Я сам тебе сообщу, как все будет.

– Да, поезжай, – Маренн протянула руку. – Не волнуйся. Йохан подошел, наклонился, взяв за руку, поцеловал ее в глаза.

– Пожалуйста, – негромко попросила она. – Если вдруг за это время позвонит Джилл или еще кто-то из Берлина, ничего не говорите о моем ранении. Джилл ничего не должна знать. Она начнет переживать, а когда находишься далеко и не знаешь, что случилось, можно нарисовать себе ужасные картины, а на самом деле все – ерунда...

– Но не такая уж ерунда, фрау Ким... – возразил доктор Виланд.

– Вы убедитесь, что я права. Я встану сегодня же.

– Это исключено!

– Я останусь здесь, – Йохан прижал ее руку к губам, – в соседней комнате. Пока идет операция.

– Нет, нет, – она отрицательно покачала головой. – Мартин прав, поезжай. Он даст тебе знать. Я прошу. Иначе он будет нервничать, дергаться, все будет только хуже.

– Ну, хорошо. Но как только все кончится, я приеду.

– Я буду ждать, – она прислонилась щекой к его ладони. – Тебе придется обнимать меня с пластырем и перевязкой, – она грустно улыбнулась. – Фрау прогулялась по передовой. С пластырем, наверное, не подходит, штандартенфюрер, – она подняла голову и посмотрела на него.

– Это не имеет значения, – он наклонился и поцеловал ее глаза. – Только лучше, чтобы все поскорее зажило.

– Ну, езжай, езжай, не будем терять время, – она откинулась назад.

– Покиньте операционную, штандартенфюрер, – строго

распорядился доктор Виланд.

– А что так сурово?

– Ну, уезжай же...

Йохан вышел в коридор. Доктор Виланд закрыл дверь. Она слышала, как зарычал, отъезжая, БТР.

– Вы считаете, Мартин, что в моем возрасте и с моим положением увлекаться мужчиной моложе меня – это легкомысленно? – спросила негромко Виланда. – Скажите правду, не стесняйтесь.

– Что вы, фрау Ким, – Виланд низко склонился над контейнером, в котором хранились в спирту шприцы. – Я едва ли смею иметь какое-то мнение, не то, что что-то говорить или думать. Это меня совершенно не касается. Более того, говорить о возрасте в вашем случае – это нелепость. У таких женщин, как вы, возраста нет, – он открыл ампулу, набирая раствор новокаина. – А Йохан – это мужественный, смелый человек, настоящий воин, это один из лучших наших командиров. Он абсолютно бесстрашен. Такие мужчины всегда были достойны любви самых красивых женщин.

– Но вы осуждаете меня за то, что я разбиваю семью, – возразила она. – Я не могу вас заставить думать иначе. Но я хочу, чтобы вы знали, Мартин, я не собираюсь разрушать то, что создавалось до меня. Я не собираюсь разбивать семью. Хотя бы потому, что я сама не могу ее заменить. Кто я? Я – такой же солдат. Даже если эта война закончится, будет какая-то другая, и мне придется отправляться на нее. Я

выбрала эту дорогу или она выбрала меня, я не знаю. Но у мужчины должна быть гавань, где его любят и ждут. Моя гавань почти всегда пуста. Меня нет дома. Вот и весь ответ.

— Фрау Ким, — Виланд подошел к ней. — Все, что я говорил о семье Йохана, этого не следовало говорить, конечно, особенно мне. Он сам скажет все, что он считает нужным, и лучше меня знает, что сказать и надо ли это. И если он молчит, то меня это вообще меньше всего касается. Я только смутил вас и сослужил Йохану дурную службу. Семья семьей, но, чтобы совершать подвиги, нужно вдохновение. Теперь ведь только подвиги, пожалуй, нас и спасут, никак не меньше. Мужчины часто женятся очень рано, но жизнь испытывает их, меняет их представление и о самих себе, и о тех женщинах, которые им нравятся. Если этого не происходит, то это скорее плохо, чем хорошо. И если двое влюблены, если они счастливы, то кто смеет их осуждать? Это самое прекрасное, что только бывает. Это теперь такая редкость на фоне всего ужаса, который мы переживаем, с которым отчаянно боремся. Фрау Ким, — он осторожно взял ее за плечи, — довольно говорить об этом. Позвольте мне осмотреть вашу рану.

* * *

Когда она открыла глаза, на постели, рядом с ее головой, лежали три белых розы — свежайшие, едва заметного кремо-

вого оттенка. Она взяла их, поднесла к лицу. Чудесный, тонкий запах.

– Йохан был здесь? – спросила доктора Виланда, он сидел за столом невдалеке и разбирал какие-то бумаги.

– Да, он приезжал, – Мартин вскинул голову. – Он был здесь целый час, но вы спали после операции.

– Как жаль.

– Как вы чувствуете себя, фрау Ким? – Виланд встал из-за стола и подошел к ней, взял руку, измеряя пульс.

– Совсем неплохо, – она пожала плечами.

– Вы были правы, никаких значительных разрушений легочной ткани мы не обнаружили. Потому перетянули сосуд и наложили двухрядный шов. Сделали перевязку.

– Хорошо. Спасибо, Мартин, – проговорила она, все так же прижимая розы к груди. – Я почти совсем не чувствовала боли, вы работали виртуозно. Несколько неприятных ощущений, и все.

– Благодарю, фрау Ким, – Виланд улыбнулся. – Ваша похвала дорогого стоит.

– У вас хорошая рука, я испытала это на себе. Большое спасибо, Мартин. За все. А Йохан, они уже выдвинулись в первый эшелон? – спросила озабоченно через мгновение.

– Да, они выдвинулись, – ответил Виланд. – Но он придет. Мне кажется, фрау Ким, – добавил он спустя мгновение, – вас надо отправить в Берлин, в Шарите, там все сделают быстрее и лучше. Вы там быстрее поправитесь.

– Нет, я не поеду в Берлин, – она отрицательно покачала головой. – Я останусь здесь. Все самое серьезное уже позади. Заживет. Мне намного лучше, Мартин.

– Ну, как знаете, – доктор сдался. – Я скажу Йохану, что вы проснулись.

– Я сама скажу, – она медленно поднялась и села в кровати. Чуть поморщилась от боли.

– Но вам нельзя, – Виланд бросился к ней, обхватив за плечи. – Ложитесь, ложитесь немедленно.

– Пожалуйста, не останавливайте меня, – опираясь на спинку кровати рукой, она встала на ноги. – Я вполне могу дойти сама.

– Я помогу вам, – Виланд подхватил ее под руку. – Какая же вы упрямица, фрау Ким. Но надо быть осторожнее, осмотрительнее.

Он подвел ее к столу, усадил на стул.

– Сейчас я свяжусь с ним. Пожалуйста, подождите.

Она добавила три розы к тем тридцати, которые уже стояли в простой стеклянной вазе, и благоухали по-прежнему.

– Я – Пантера-1, – услышала она в трубке его голос.

– Йохан ... – она разволновалась, ее голос дрогнул. – Это я.

– Ким? Как ты? – в его голосе она услышала и радостное удивление, и беспокойство.

– Я в порядке. Спасибо за цветы. Мне жаль, что я спала...

– Дайте мне, – доктор Виланд не выдержал. – Это все вы-

думки, Йохан, она не в порядке. Далеко не в порядке. Ей нельзя двигаться, вставать, а она расхаживает по палате.

– Не слушай его...

– Ты там безобразничаешь? Я приеду. Скоро.

– Приезжай, я жду.

Она отдала Мартину трубку. Он снова взял ее под руку.

– Теперь в кровать, фрау Ким, немедленно. Не дай бог, снова начнется кровотечение.

– Нет, Мартин, – она отрицательно покачала головой, – коли я дошла до стола, принесите-ка мне карточки всех вновь поступивших.

– Зачем? Вам нужен отдых, покой.

– И скажите, пусть приготовят мой мундир. Если я какое-то время не могу оперировать, то я могу помогать вам по-иному. Приказ никто не отменял, я должна исполнять свой долг, как все. Тем более идет подготовка крупного наступления.

– Но я не хотел бы вас перегружать.

– Несите карточки, Мартин. Я посмотрю, кого надо оперировать в первую очередь.

* * *

Он приехал спустя полтора часа и, спрыгнув с БТРа, сразу вбежал в палату.

– Ким...

– В госпитале, штандартенфюрер, неплохо бы надеть халат, – недовольно дернул бровью Виланд, – а не нестись прямо с дороги, на которой грязь, разлитое топливо, чего только нет, сразу в стерильные помещения.

– Какая строгость, доктор Виланд, – Пайпер улыбнулся. – Прошу прощения. Мы пойдем, погуляем.

Он взял шинель и, завернув в нее Маренн, поднял на руки. Она обняла его за шею.

– Как это погуляем? – Виланд вскочил со стула и едва не уронил очки.

– Вот так, погуляем, во дворе. Мы недолго, правда? – он поцеловал ее в щеку.

– Ну, ладно, идите, – Виланд махнул рукой.

Он вынес ее во двор, поднес к БТРу и усадил на броню.

– Мартин сказал, ты уезжаешь в Берлин, – его светлые глаза внимательно смотрели ей в лицо.

– В Берлин? – она удивилась, поправила козырек его фуражки. – Когда это он успел сказать?

– Когда ты спала после операции.

– Но это его мнение, что надо ехать в Берлин, – Маренн положила руки ему на плечи. – Он считает, что там все сделают лучше и быстрее. Я сказала ему, что это не так. Там вокруг меня соберется целая толпа, все будут сожалеть, придут Ева, Магда, обязательно рейхсфюрер и фрау Марта вместе с ним, может быть, даже фюрер позвонит, если Ева все опишет ему, как следует, в драматическом ключе. Будет мно-

го рассуждений, сожалений, вздохов, а лечение ничуть не лучше. Это я точно знаю. Кто будет меня лечить? – она пожала плечами. – Я сама буду себя лечить или кто-то другой под моим руководством. Так это я с успехом могу сделать и здесь. Нет, я остаюсь здесь, я решила. В Берлине ничего не сделают лучше. Мне лучше всего с тобой.

– Штандартенфюрер, – их прервал Крамер, – командир дивизии на связи.

Придерживая Маренн, Пайпер взял трубку.

– Слушаю, бригадефюрер. Да, понял. Слушаюсь, бригадефюрер. Будет исполнено.

Он вернул трубку Крамеру.

– Что? – Маренн тревожно взглянула ему в лицо.

– Мне надо ехать. Сейчас я отнесу тебя в палату.

– Не надо, я дойду сама.

– Об этом не может быть и речи.

Он поцеловал ее и уехал. Опять уехал. Она смотрела в окно, как БТР рванулся с места и на высокой скорости выехал со двора.

– Фрау Ким, – доктор Виланд подошел к ней. – Не поймите меня превратно, но я призываю вас к разумной осмотрительности. Йохану – море по колено. Но вы должны помнить, что у вас слабое сердце. На него сейчас легла большая нагрузка. Йохану я тоже говорил об этом, но он, конечно, вряд ли может себя сдерживать. Он в вас влюблен.

– И я влюблена в него, – ответила она, усаживаясь за

стол. — Такая история. Но мы с вами, Мартин, знаем, что любовь лечит лучше других лекарств. Когда человеку хочется жить и жизнь пульсирует в крови, никакая смерть его не возьмет, она уберется и спрячется, ее и днем с огнем не отыщешь.

— Это правда, — согласился Виланд. — Я вам не смею препятствовать, что я еще могу сказать, вы все сами знаете лучше меня, — он вздохнул. — Я только могу дать совет. Пожалуйста, берегите себя, будьте осторожны. Кто мог подумать, что такое случится.

— Порой мне бывает жаль, Мартин, — она снова посмотрела в окно, — что я не могу жить такой жизнью, как большинство женщин. Что мне, по сути, нечего предложить мужчине, кроме себя самой. Я могу быть любовницей, но семья... Для меня это оказалось невозможно, и теперь уже поздно что-нибудь менять.

— Просто не нашлось никого, кто захотел бы вас принять такой, — мягко ответил доктор.

— А вы бы хотели иметь такую жену, как я, Мартин? — она посмотрела на Виланда с улыбкой. — Нет, не чтобы посмотреть в музей, кто и когда ее изобразил и в каком виде. А просто у себя дома, каждый день.

— Я? Об этом даже невозможно подумать, — Виланд смутился, на щеках проступил румянец. — Я же не Йохан Пайпер, чтобы гнать БТРы на полной скорости на противника, стреляя одновременно из всего оружия, какое только есть,

это же просто смерч. И не Отто Скорцени, чтобы освободить Муссолини.

– Я не говорю о том, чтобы освободить Муссолини, – Маренн села за стол и устало опустила голову на руки. – Освободить Муссолини и просто любить меня – это совершенно разные вещи. Я всегда хотела, Мартин, чтобы меня просто любили, – призналась она. – Без Муссолини, без всей этой помпы. Это интересно молоденьким девушкам, которые сами ничего не могут достичь в жизни и им кажется, что герои сделают ее интересной. На самом деле, герои делают жизнь часто невыносимой. А я бы хотела жить в тихом доме, нянчить детишек, варить суп и ждать, когда муж придет с работы. Нет, не после освобождения Муссолини, и не после похищения еще какого-нибудь диктатора, а например, из банка. Наверное, это и есть счастье.

– Но ни в каком банке вы не найдете такого мужчину, как Йохан Пайпер, – Мартин пожал плечами. – Для чего это? К тому же вы никогда не откажетесь от своей профессии.

– Не откажусь, – Маренн кивнула. – Теперь уже не откажусь. Но, как ни странно, Мартин, я не всегда хотела ее иметь. А было время, и вовсе не хотела. Даже не думала никого резать и зашивать. И лечить ангину. Никто не поверит, что я когда-то мечтала о принце, который все положит к моим ногам, всю свою жизнь, мечтала, как все шестнадцатилетние дурочки, и мне даже довелось обручиться с одним принцем, настоящим, не сказочным вовсе. Но это все-таки не так

удивительно, — она улыбнулась, — как то, что об этом принце я мечтаю и до сих пор. Не о том, чтобы он освободил Муссолини на радость фюреру, а чтобы хоть что-то сделал мне на радость. На самую простую человеческую радость. Ну, хотя бы не изменял, что ли.

— У меня в голове не укладывается, как можно вам изменять, — Виланд посмотрел на нее с недоумением. — Кто может вам изменить? В чем может быть большее счастье? — доктор запнулся. — Вы преувеличиваете. Я говорил о жене Йохана. Да, она милая, но с вами, с вами, фрау Ким, это все никак не сравнится. Это как какие-то другие планеты, другой мир. О такой женщине, как вы, мужчины мечтают, все. Где-то в глубине души мечтает каждый, только их нет. Таких женщин нет. Точнее, их очень мало. Единицы. Ведь вы не только красивы, в вас есть этот шарм, это обаяние. Вы талантливы в своем деле, вы смелая. Вы можете, например, взорвать железнодорожную станцию. Это что-то невероятное даже для меня, для многих мужчин, поверьте. Это какие-то женщины древности, полубогини, только они были таковы, валькирии.

— Нет, Мартин, счастье в том, что я — герой, а она — дурочка. Вот это и есть настоящее счастье. Для некоторых.

— Ну, я не знаю, — доктор махнул рукой и недоверчиво усмехнулся. — Значит, сами они не герои, а только изображают из себя. А я так думаю: если ты не герой, то, сколько ни строй из себя, все равно все выяснится. Правда, не знаю, о ком это вы. О Скорцени? Но он не таков, я думаю. Хотя

не знаю. Я его не знаю совсем. Вот Йохана я знаю. Он настоящий герой. И все вполне закономерно. Вы знаете, теперь рейхсфюрер побуждает всех жениться рано, чтобы рождалось как можно больше детей, это у него пунктик. Тем более Йохан служил у него адъютантом в юности. Адъютантам он и вовсе спуска не дает. Сам подбирает им невест. Но мы с вами знаем, что настоящую любовь к женщине мужчина может испытать не раньше тридцати лет, пока что-то не попробует, не испытает в жизни настоящего риска, не познает потерь, скорби, мужественной дрожи перед атакой. Это физиология. Адреналин пробуждает страсть, страсть к женщине, и часто совсем не к той, которую одобрил рейхсфюрер. Страсть, без которой жизнь мужчины бессмысленна, страсть, которая лечит его раны быстрее всяческих лекарств, страсть долгая, возможно, на всю оставшуюся жизнь. Сколько об этом написано романов, сколько сложено прекрасных легенд, еще с самой древности. Любовь – это не только тело, но тело и душа вместе, в унисон. А душа мужчин взрослеет гораздо позже тела. Все ранние браки – только источник будущих страданий. Недаром прежде считалось, что раньше тридцати пяти лет мужчине жениться не стоит. Так что план для рейхсфюрера Йохан выполнил, детей он ему родил, истинных арийцев, как заказывали. Теперь осталось главное, самое главное в жизни, – Виланд улыбнулся. – Любовь, страсть, прекрасная женщина, которой достойны только герои, герои нации, без преувеличения. Валькирия. Настоящий тевтонский рыцарь,

закованный в броню, и прекрасная валькирия с длинными волосами. Это достойно древней легенды.

– Вы говорите романтично, Мартин, а часто нас, врачей, считают унылыми занудами, для которых в человеке нет никаких тайн, только одна физиология. Тевтонский рыцарь – это я согласна. Но валькирия, – Маренн грустно покачала головой. – Вы же видите, Мартин, мне привезли цветы на БТРе, и я счастлива. В Берлине мне никто не привозит цветов. И не привозил. А все чаще привозят больных и раненых, на БТРе и просто в санитарном фургоне. Не думаю, что валькирии так радовались бы розам. А я искренне рада, так мало мне надо. Но в будущем, Мартин, многие женщины пойдут по моему пути, – она встала и снова подошла к окну. Кружил мелкий снег, смеркалось.

– Они станут не только хирургами, но и дипломатами, генералами и адмиралами, премьер-министрами даже. Да, да, так и будет. Слишком многих мужчин унесли эти две войны, лучших мужчин, самых храбрых, самых здоровых. В будущем явно будет ощущаться их недостаток, и женщинам ничего не останется, как ради своих детей, их будущего взвалить на свои плечи все это. Ведь если я чего-то добилась в жизни, то не ради того, чтобы встать вровень с мужчиной и получить погоны оберштурмбаннфюрера СС. Я думала, чем кормить своего сына, как его вырастить, и каждый день была вынуждена что-то делать. Вот и делала. Только сын погиб, и все потеряло смысл.

– Йохан из-за вас пошел на фронт, он хотел, чтобы вы его заметили. Он сам мне признался, что не хотел быть адъютантом. Он ждал, чтобы познакомиться с вами ближе. Но вы ездили в дивизию «Мертвая голова», туда, где служил ваш сын, а к нам приезжали редко. Но само по себе это говорит о многом. Это не просто развлечение, это та долгая и тайная страсть, которая теперь стала явной. Если вы хотите вечером отправиться к нему, – доктор встал за ее спиной, – я попрошу, чтобы вас отвезли. Вам действительно сейчас лучше быть с ним.

– Да, лучше. Спасибо, Мартин, – она повернулась. – Спасибо за все, что вы мне сказали. Я думаю, штурмфюрера с проникающим взрывным ранением живота надо оперировать в первую очередь. У него значительная кровопотеря, разрывы паренхиматозных органов.

– Да, фрау Ким, я абсолютно согласен, – кивнул Виланд.

– Тогда готовьте пациента.

– Вы будете оперировать?

– Нет, рука еще пока не та. Но я буду руководить тем, как это делаете вы.

* * *

– Йохан, смотри.

Шлетт дернул его за рукав. Он повернул голову.

Маренн спрыгнула с проехавшего БТРа и ждала на про-

тивоположной стороне дороги, когда можно будет перейти.

– Зачем? Ну, зачем? – он первым подошел к ней, оставив проезжающую машину. – Ты не слушаешься доктора Виланда?

– Нет, не слушаюсь.

– Пойдем. У нас сегодня скромный постой. Всего лишь небольшой глиняный домишко, в нем холодно, но мы натопили.

Он взял ее за руку и повел за собой. В небольших сенях, уставленных старыми, перекосившимися бочками, они остались одни. Она видела, как он хочет ее поцеловать, но сдерживает себя. Тогда она сама прикоснулась губами к его губам.

– Нет, нет, – он сделал над собой усилие, чтобы не ответить. – Виланд сказал: одно неосторожное движение – и начнется кровотечение.

– Он всегда преувеличивает, этот доктор Виланд, – она поцеловала его в нос. – Все будет хорошо. Движения полезны. Я всегда говорю своим больным: если можете ходить, ходите, не надо лежать и ныть. Когда мышцы действуют, кислород поступает, сердце бьется, то все неприятности проходят быстрее. Все будет хорошо. Я приехала, чтобы остаться с тобой на ночь. Если ты этого хочешь...

– Хочу ли я? Ты еще спрашиваешь!

– Только не клади меня на спину, начнется сильный кашель, он может спровоцировать кровотечение. Не забывай,

я ничуть не меньше Виланда знаю, что можно, а что нельзя. Он – перестраховщик. Хотя трудно упрекнуть его в том, что он обо мне заботится. Все, только не на спину, ладно, Йохан?

– Йохан, здесь переключили от Дитриха, – за дверью слышался голос Шлетта. – Что-то срочное.

Он поднял голову.

– Меня?

– Нет, фрау Ким.

– Меня? – она пожала плечами, села на кровати.

– Мне надо одеваться. С повязкой это не быстро.

– Сейчас, подожди. Одеваться не нужно.

Он встал, застегнул китель, вышел из комнаты в сени. Она накинула на плечи полосатый плед, забралась на кровать с ногами. Он вернулся спустя минуту, неся с собой аппарат на длинном шнуре.

– Вот, – он протянул ей трубку, и только сейчас она заметила, что он снял обручальное кольцо, остался только перстень на правой руке.

– Спасибо, – она взяла трубку.

– Да, это я. Что? Из Берлина?

Она вздрогнула, испытав замешательство.

– Ну, хорошо, давайте.

Йохан поставил аппарат на пол. Лег на постель рядом, положив ноги в начищенных сапогах на спинку кровати. Она заметила, что он смотрит на нее. Они думали об одном и том же.

В трубке затрещало.

– Мама, – через мгновение Маренн услышала голос Джилл.

– Джилл, девочка моя, – она радостно улыбнулась, с сердца точно упал камень.

– Джилл, что случилось? Ты заболела?

– Нет, мама, я здорова...

– Ну, хорошо.

Йохан закурил сигарету, потом взял с тумбочки открытую бутылку коньяка Хенесси, отпил из горлышка. Проведя пальцами по ее спине, сдернул с Маренн плед.

– Мама, я сижу на Беркаерштрассе, чтобы получить возможность поговорить с тобой, – продолжала Джилл взволнованно. – Жду, пока дадут связь. И то мне помог бригадфюрер, а то меня близко бы никто не пустил.

– А в чем дело, дорогая?

– Мама, тут что-то происходит, я ничего не понимаю.

– Что происходит?

– Ко мне на Беркаерштрассе все время приезжает штурмбаннфюрер Менгесгаузен.

– Зачем? Он за тобой ухаживает? – Маренн улыбнулась.

– За мной? Что ты! Я никому не позволяю за собой ухаживать. Я люблю Ральфа и все.

– Ты у меня умная, серьезная девочка. Тогда что?

– Он привозит из фюрербункера какие-то карточки в конвертах, – сообщила Джилл. – От фрейляйн Браун. Их уже

скопилась тьма-тьмушая, я не знаю, куда их девать. У меня и так много бумаг. Даже бригадефюрер спросил, что это за корреспонденция и почему Менгесгаузен все время бежит туда-сюда. Я ответила, что это пишут маме. Он спрашивает: фюрер? Я говорю, нет, фрейляйн Браун. А что пишут, я не пойму. «Он ей сказал, что все, она ждала, но он не пришел, она плакала, звонила ему. Он не пришел опять, он с ней порвал, она опять плачет». И так в каждом конверте. Я в полном замешательстве, что мне со всем этим делать. А Гарри ждет ответа. Приезжает, спрашивает, есть ответ или нет. А я его спрашиваю, ты от кого ответа ждешь, от меня? Может, мне кто-то объяснит, что все это значит?

– Менгесгаузен развозит конвертики, – Маренн усмехнулась. – Если, не дай бог, большевики окажутся в Берлине, это будет его первое сражение за всю войну. Конечно, я понимаю, его заставляют, вот он и едет.

– Мама, я сказала Отто...

– Ты сказала Отто?

– Да, он последние дни приезжал в Грюнвальд вечером, даже на ночь оставался, у тебя в спальне.

Маренн вдруг закашлялась и прижала ладонь к губам. Йохан осторожно взял ее за плечи, повернул в сторону, дышать стало легче.

– Мама, ты кашляешь? Что с тобой?

– Ничего страшного, – ответила она. – Я здесь немного простудилась. Весна, слякоть. Что дальше?

– Я его за завтраком спросила: что это значит? Он чуть кофе не поперхнулся, посмотрел на меня странно, но ничего не сказал. А Ральф заметил, что фрейляйн Браун, наверное, что-то не то съела. Ведь если фюрер ест невкусно, не будет же она есть вкусно. Вот у нее в голове и не хватает питательных веществ.

– Так сказал Ральф? – Маренн искренне рассмеялась. – Если мне не везло с мужьями, то с будущим зятем явно повезло. Он никуда не бегает, кроме как на службу, не мучается самоутверждением. Кроме того, с юмором. Так что сказал тебе Отто? Так ничего и не сказал?

– Он сказал, что даже понятия не имеет, что это все может значить.

– Да, конечно. Где уж ему догадаться! Он в Берлине?

– Нет, он тоже уехал куда-то на Одер в район боевых действий.

– Хорошо, Джилл. Ты голову себе не забивай всем этим, и это не та проблема, которой можно занимать оперативную связь. Напиши фрейляйн Браун просто на листе бумаги, что ты мне все передала, я приеду и поговорю с ней. Пусть Менгесгаузен отдохнет. Поняла?

– Да.

– В остальном у тебя все в порядке?

– Да, мама, все хорошо. Только знаешь, еще фрау Ирма, – Джилл начала как-то неуверенно. – Она звонила мне сегодня утром домой. С ней что-то не то, у нее заплетается язык, она

как будто пьяная...

– А где Алик?

– Он уехал вместе с Отто.

– Джилл, – Маренн на мгновение задумалась, протянув руку, взяла у Йохана зажженную сигарету, поднесла к губам. – Вот что, Джилл. Я не могу отсюда звонить де Кринису. Это исключительно оперативная связь, я позвоню ему завтра из госпиталя. Ральф в управлении? – она затянулась сигаретой.

– Да, мама, он ждет меня на своем рабочем месте.

– Пусть он позвонит де Кринису и вместе с ним едет на квартиру к фрау Ирме. Даже возьмет с собой кого-нибудь из охраны. Возможно, придется вскрывать дверь. Ты поняла меня?

– Да.

– Только обязательно, прямо сейчас. Не то все кончится катастрофой. Ну, давай, действуй. Береги себя. Я тебя люблю, целую.

– Я тебя тоже люблю. Приезжай скорей.

– Я постараюсь. Благодарю, – последнее уже относилось к связисту.

– Что там? – Йохан взял у нее трубку, положил ее на аппарат, обнял ее за талию, потом чуть опустил руку, на ягодицу.

– Да просто помешательство какое-то, – Маренн покачала головой, возвращая ему сигарету. – Они замучили мою Джилл. Не дают ей работать. Фрейляйн Ева собирает сплет-

ни и распространяет их в рейхсканцелярии. И надо звонить оберстгруппенфюреру Дитриху, который ведет важнейшее для рейха наступление, чтобы все это сообщить. Джилл никогда не стала бы это делать. Я ей запретила раз и навсегда. Только в самых экстренных случаях. Но, видимо, ей в самом деле тяжело с ними, они ее достали. Именно этого они от нее и добиваются, чтобы она позвонила и мне сказала. Она еще продержалась довольно долго. Конечно, они удивлены, что она ничего не понимает. Они думают, что я день и ночь только и говорю с ней об этих проблемах. А она вообще не в курсе. В Берлине это еще можно послушать, но отсюда все кажется смешным и ничтожным. Кроме того, моя подруга фрау Ирма накачалась наркотиками, чего я и опасалась. Стоит ей только остаться одной, без мужа и без меня, как все начинается сначала.

– Я так понял, что к тебе вернулся Отто? – он спросил внешне равнодушно и, наклонившись, еще отпил коньяк.

– Если бы он был со мной, то можно было бы сказать, что он вернулся, – ответила она мягко. – Но если это и было, то очень давно. Еще до войны.

Она опустила голову, вздохнула, грудь приподнялась, опустилась. Он обнял ее за плечи, привлек к себе.

– Не переживай. Они разберутся, твой будущий зять и этот профессор.

– Но Ирма, – она провела рукой по его спутанным волосам. – Я не могу не расстраиваться из-за нее. Столько лет,

какое-то одно воспоминание, какое-то мимолетное дурное настроение, и она готова довести себя до полного помешательства. Кому она мстит? Тому, кто и при жизни о ней не очень помнил, а теперь и вовсе ему все равно – он давно лежит в земле. Горе она причиняет только себе. Себе и Алику. Да и нам всем, кто ее любит, знает.

– Какой волнующий аромат, – он наклонился, целуя ложбинку между грудей. – Горьковатый шоколад, ваниль. Это так манит. Я понимаю, почему у тебя раненые и больные поправляются быстрее, чем у докторов-мужчин. Когда придешь в себя в госпитале, а на тебя смотрят с сочувствием такие красивые зеленые глаза и льется такое благоухание, то даже мертвый встанет и пойдет. Захочется встать и пойти.

– Это мой лосьон для тела. Он буквально въелся в меня, – она пожала плечами.

– Он тебе подходит. Такая сладкая, пряная ваниль, сдобренная горьковатым, терпким шоколадом. Ты такая и есть. Вроде сильная, но в то же время слабая. Я почувствовал этот аромат еще в Арденнах, сразу, как только увидел тебя поближе, на станции. Я тогда подумал: какая ты все-таки потрясающая – эти в беспорядке разбросанные волосы до пояса, эти зеленые глаза. И этот аромат... Я его почувствовал, несмотря на то, что вокруг был дым, гарь. Я подумал, что у тебя, наверное, восхитительное тело и ты отличная любовница.

– Все это подумал, – Маренн прислонила его голову к груди, – и дал приказ преследовать отступающих американцев.

Я всегда знала, как сильно отличается то, что мужчины делают и говорят, от того, что у них творится в голове. Но это лишнее подтверждение моих знаний. Да и о чем еще может думать мужчина, глядя на женщину, — она засмеялась, — если ему тридцать лет, да и не только тридцать, а вообще. Однако, штандартенфюрер, вы сохраняли такое хладнокровие, что мне и в голову бы не пришло, какие вас посещают мысли.

— А что мне оставалось делать? — он поцеловал ее груди, сначала одну, потом другую. — Скорцени, его адъютант, расталкивать их? — он поднял голову и взглянул на нее. — Но я понял, я не забуду. Этот аромат, эти волосы, эту точеную ногу в тонком чулке и блестящем военном сапоге, как ты поставила ее на броню моего БТРа, когда я предложил отвезти тебя к доктору Виланду, уверенно и мягко и протянула руку в тонкой перчатке, просто по-королевски, я не забуду. И все это так просто, обычно, без всякого кокетства и рисовки.

— А я думала, вы смотрите на карту, штандартенфюрер.

— А что мне там смотреть, я там все знаю наизусть. Но я смотрел, чтобы не смотреть на тебя, чтобы сразу не выдать себя с головой.

Виланд ведь и не очень в тебе нуждался. Но я сказал ему: Мартин, тебе нужна фрау Ким, она тебе поможет, а то ты не справляешься, — он рассмеялся и, откинувшись на подушку, взял сигарету из пепельницы, затянулся, неотрывно глядя на ее тело. — Виланд только уставился на меня поверх очков и спросил: а зачем она мне. Раненых-то нет, раз, два и обчелся.

А я ему серьезно заметил, что совет такого специалиста из Берлина никогда не бывает лишним. А я ее к тебе привезу. Как еще я мог хоть на несколько минут оторвать тебя от них? Виланду оставалось только согласиться.

– Какие открываются подробности, – она улыбнулась, перекинув волосы вперед, взяла у него сигарету.

– А потом я поставил тебя в строй.

– О, да.

– И мне еще никогда не было так радостно наблюдать за женщиной, когда ты, потрясаяще улыбаясь, с этим невыразимым обаянием, закручивала волосы на затылке, прилаживала пилотку, которая все время падала. Это было забавно, но в то же время так волнующе. Тебе же приходилось поднимать руки, и я видел, какая у тебя красивая грудь. Когда ты пела в казино, я понял еще и другое, – он убрал волосы с ее лица. – У тебя не только красивые ноги и потрясающая фигура, у тебя красивое, доброе сердце. Мне было нелегко, когда ты пошла в номер с этим адъютантом. Я же знал, что вы отправились туда не поболтать. Я сидел внизу с Шлеттом и Вестернхагеном, пил коньяк, я знал, ты обо мне даже не вспомнишь. Я видел только длинную молнию на твоем платье и представлял, как этот адъютант расстегивает ее, делает то, что хотел бы сделать я. Эту безупречную тонкую стройность пахнущего шоколадом тела, безупречную стройность. От этого можно было сойти с ума. Я страстно хотел увидеть тебя обнаженной. А потом этот адъютант подошел ко мне и

попросил отвези фрау Ким в гостиницу. Я понял, что ты поедешь одна, а он останется в казино, и поэтому согласился.

– Мне показалось, ты встретил меня весело, несколько не обратив внимания на то, что произошло, – она покачала головой. – Протянул руку, помог подняться. Ничего больше. Ничего лишнего. «Фрау Ким, аккуратнее, не поскользнитесь». Поехали.

– Все остальное было внутри. Молния на платье была застегнута не до конца, чуть-чуть не до конца, на два миллиметра, наверное. Это значило, что ее расстегивали.

– Ты это увидел? Два миллиметра?!

– Я же только об этом и думал. Ну и еще о том, какая ты в постели.

– И никакой ревности?

– А что же это, если не ревность? Я думал, что взорвусь от ревности. Я не испытывал такого никогда. Другой ласкает женщину, которую хочу ласкать я. Но наше дело – возить на БТРе, пока. И хорошо, что они у нас есть, эти БТРы. Правда, тактика. В гостинице в твоём номере мы на некоторое время остались одни, меня так распирало от всего, что я чувствовал, что я бы, наверное, не удержался. Мне так хотелось обнять тебя. Ты подняла руки перед зеркалом, и я увидел выступающую из декольте грудь, эти завитки волос на твоей шее. И опять этот аромат. Опять молния на спине.

– Ты все это помнишь?

– Еще бы! Я воскрешал это в памяти миллион раз, по-

ка ждал, когда поеду в Берлин, и потом. Я бы не вытерпел. Но портье сообщил, что приехал Скорцени. И я сказал себе: ладно, в другой раз, Йохан, как-нибудь в Берлине, раз уже ты все равно не забудешь, раз она тебя задела. Ты же поедешь получать дубовые листья к рыцарскому кресту. В Берлине они все толкаются, но там пространство больше и больше свободного времени. Но когда ты сказала, что приедешь на Балатон, я сказал себе: Йохан, жди. Она приедет одна. Не привезет же она с собой всю эту команду, они будут сидеть дома, в столице. Тогда наступит твое время. Так и получилось.

– Какой коварный замысел, – она неторопливо покачала головой, неотрывно глядя ему в глаза, положила сигарету в пепельницу. – Это достойно танковой атаки при Мальмеди, которую я видела собственными глазами. Какие-то три немецкие «пантеры» одним ударом за пятнадцать минут уничтожили шестнадцать «шерманов», скосили чуть не сотню американцев, и те покатили в страхе вниз по склону холма, несмотря на то, что их было чуть ли не в десять раз больше. Так и тут, – она неторопливо наклонилась и поцеловала его в нос, коснувшись грудью его груди. – Отбить возлюбленную у Отто Скорцени, практически ничего для этого не делая, так, несколько ничего не значащих разговоров, кусочек пирога с клубникой, шампанское, белый рояль, какая-то музыка, внешне полное равнодушие, так, легкая симпатия, но исключительно как к доктору, который лечит солдат. А

женщина в камуфляже, несмотря на то, что она уже не первый год на войне, на второй войне, и всякого повидала, уже следит за ним взглядом, волнуется. И когда американцы начинают палить из артиллерии, думает: «Господи, только бы остался жив», как все женщины испокон века молят о своих воинах. И уезжает в Берлин, зная наверняка, что на Балатон она обязательно придет, даже если начальник управления решит послать туда кого-нибудь другого. О, это совершенно безошибочное ведение боя, штандартенфюрер. Сделать так, чтобы она забыла всех.

– И ты забыла?

Она хотела полной любви, чтобы раствориться в ней, утонуть, прочувствовать каждой клеточкой. Зажав рот ладонью, чтобы никто не слышал ее вскрика, выгнулась назад и в изнеможении опустилась на его тело, обхватив его за плечи и прижимаясь лицом к его лицу. Он тяжело дышал, как и она.

– Ты забеременеешь, – прошептал он едва слышно.

– Не волнуйтесь, штандартенфюрер, – она подняла голову и поцеловала его глаза. – Я врач, я умею справляться с такими вещами.

– Я не волнуюсь. Я согласен. Я не хочу, чтобы ты волновалась.

Его еще темные от нахлынувшей страсти глаза были совсем близко.

– В крайнем случае, – она улыбнулась, – будешь давать деньги на ребенка. Я сдору с твоего жалования.

– Я согласен, – повторил он. – И не только на деньги, – он с нежностью поцеловал ее шею.

Она откинула голову, хотела перевернуться на бок, но он удержал ее.

– Стоп, на спину нельзя.

– Я забыла.

– Ты скажешь Отто, когда вернешься в Берлин? – он гладил ее по спутанным волосам, целовал в висок.

– Нет, – она ответила не задумываясь. – Я скажу только то, что касается нас с ним, меня и его. А остальное – другая жизнь, к нему это не имеет отношения.

– Но если ребенок будет, пусть будет, ладно? – он посмотрел на нее внимательно, ожидая ответа.

– Ну, в Лебенсборн, конечно, отдавать не буду, – она откинула волосы, обернувшиеся вокруг шеи.

– Какой Лебенсборн, ты что? – он слегка ударил ее пальцами по плечу. – Ни в коем случае. Даже не думай.

– Конечно, я же сама устраиваю себе детей, без помощи рейхсфюрера.

– Твоя работа этого тебе не позволит, – он отвел взгляд, и на его лице появилась грусть.

– Моя работа здесь не при чем, – Маренн наклонилась, целуя его лоб, брови, волосы, длинные, темные ресницы. – Это только некоторым кажется, что моя работа в чем-то мне мешает. Тем, кто не знает моей жизни. Когда я родила Штефана, я работала санитаркой в богадельне при монастыре кар-

мелиток. Там нам разрешили жить с Генри в последние месяцы его жизни. Он уже не ходил, вообще почти не шевелился, мне все приходилось делать самой. Пока он был жив, он позволял мне получать деньги, которые ему пересылали из Англии. Но когда он умер, деньги поступать перестали, и мне он не оставил ничего. Я работала до самого последнего дня, даже в тот день, когда родился Штефан. Утром я пошла в палаты, там и родила, как бы мимоходом, а потом вернулась к себе в комнату с ребенком на руках. Наутро пошла с ним в богадельню. И так было всегда. Мои дети были всегда со мной, их никто не воспитывал, я никому их не поручала, я все делала сама. Дело не в моей работе, дело в людях. Знаешь, – она посмотрела ему прямо в глаза, – я бы даже хотела иметь от тебя ребенка. Если бы все складывалось немного иначе, если бы война закончилась в нашу пользу, если бы был какой-то шанс. Если бы все было так, я бы выдала Джилл замуж, она бы ушла со службы, жила бы с Ральфом, сама бы стала мамой. А я бы нянчила двоих детишек, своего и ее. И продолжала бы работать в клинике. Я бы со всем этим справилась. Я бы даже не стала просить тебя о разводе, для меня это неважно, я давно пережила все эти женские комплексы. Кто видел газовую атаку и остался в живых, уже никогда не будет думать о том, что скажут о нем соседи, или еще кто-нибудь. Он ценит жизнь и счастье в жизни вдвойне, даже втройне, за себя и за тех, кто погиб. Но ничего этого не будет, – она глубоко вздохнула и сморщилась, почувствовав

боль в спине. — Мы выпустили джина, которому лучше было бы сидеть в бутылке, так было бы спокойнее для всех. Теперь он все сметет, всю Европу и нас тоже. Несмотря на все наши отчаянные усилия, сейчас многое уже потеряно.

— А Отто? — он пододвинул ее, чтобы она не сильно опиралась на бок. — Ты не хотела от него детей?

— Не то, чтобы не хотела. Но я была не одна. Со мной были Штефан и Джилл. Они были еще несамостоятельные, они во всем зависели от меня. Мы многие годы прожили втроем и были необыкновенно преданы друг другу. Я знала: их испугает такой поворот событий, им будет неприятно. Я не могла позволить ничего, что было бы им неприятно. Потом Штефан пошел в армию, у него началась другая жизнь. Джилл стала встречаться с Ральфом. Она ведь тоже долго боялась сказать мне, думая, что я обижусь, но я была только рада. Казалось бы, все как-то наладилось. Но отношения стали таковы, что и думать ни о чем таком уже не приходилось. Все покатилося под откос. Во многом была я сама виновата, — она приподнялась, опершись на его руку, намотала ему на запястье локон своих длинных волнистых волос. — Я умею разрушать, не только создавать, и характер у меня хорош только для военного хирурга, для жизни у меня плохой характер. Но сделанного уже не вернешь. Как было, как стало — все изменилось. А работа что? Работа, служба — все это при мне, но если нет доверия, нет и покоя. Какие ни выдумывай оправдания.

– Мы завтра вступим в бой, – он обнял ее за плечи и привлек к себе. – Тебе больше не надо приезжать, это будет опасно. Я приеду сам, когда найдется время.

– Если вы вступите в бой, у Виланда тоже будет жарко. Я завтра начну оперировать.

– Но тебе еще рано.

– Не буду же я прохлаждаться без дела, когда дивизия столкнется с большевиками. У Виланда раненых увеличится втрое, а то и вчетверо. Меня для этого и прислали сюда, чтобы облегчить ему жизнь.

– Товарищ полковник, да разве я знаю, что он сделал, а чего не сделал, Коробов этот, – прислонившись спиной к скользкой стенке окопа, говорила Наталья начальнику штаба Шумилова. – Да, документы его я взяла. Награды тоже, даже значок парашютиста. Ну, как вышло? – Наталья пожала плечами. – Снайпер немецкий работал, вот так и вышло. Ему говорили: не высовывайся. – Наталья усмехнулась. – Так мне возвращаться, товарищ полковник? В документах у него что? Сейчас посмотрю, – она открыла планшет Коробова. – Да чистенько у него тут все, товарищ полковник. Карта? Карта есть, но на ней никаких пометок. План минных полей? – она перевернула бумаги. – Планы есть какие-то, но на них тоже чисто, сверки нет. Да, ничего он не сделал, не успел еще. Только бегал по траншеям, смотрел, как снайперы стреляют. Все советы давал. Пока сам не попался. Что? Ну, товарищ полковник, я-то что в минных полях понимаю? – Наталья развела руками. – Есть. Буду ждать. Кого пришлете? Новенького, ну, хорошо, есть дожидаться и познакомиться с капитаном Иванцовым. Ясно. Слушаюсь. Спасибо, Митя, – она передала трубку связисту.

– Что, остаешься? – Прохорова сплюнула шелуху от семечек под ноги, – еще с нами побудешь?

– Да, придется, – Наталья застегнула воротник шинели.

Ветер дул прямо в лицо. – Буду новенького ждать. Познакомлю с Иванцовым, чтоб он всю работу, которую Коробов не сделал, за него доделал, а там поеду. А что ты, Надя, все семечки грызешь? – она посмотрела на снайпершу с явным осуждением. – Ты в армии или дома на завалинке? Где ты семечки взяла?

– Да, мне Косенко дал, – Прохорова явно смутилась, – а что?

– Да то, что хоть немного Устав надо соблюдать. В одежде, поведении. Просто смотреть невозможно. И потом, ты же женщина, Надя. Какие семечки? Косенко – тот пусть плюется, а ты?

– А ты семечек не хочешь? – спросила снайперша обиженно.

– Ну, конечно нет, – Наталья мотнула головой.

– Что, Наталья Григорьевна, уезжаешь? – из хода сообщения появился Иванцов.

– Представь, нет, Степан Валерьянович, еще и на ужин с тобой останусь. Новенького пришлют вместо Коробова, так приказано познакомить.

– А мы только рады, – капитан слегка хлопнул ее по плечу. – Скажу Харламычу, чтобы и на ужин имел тебя в виду.

– Спасибо, Степан Валерьянович.

– Ты, Валерьяныч, того, – в траншею спрыгнул сержант Косенко, – Турбанберды... ну, этот, казах наш, говорит, что вроде шум каких-то моторов слышит, мол, у него слух тре-

нированный, пастухом с детства, волк только...

– Родимый, какой волк? – Иванцов с упреком уставился на него. – Ну, ты-то, Мишка, хоть не дергай меня по пустякам. Турбанберды – это все равно, что Прохорова наша, – он покосился на снайпершу. – Это же горе, а не боец. Его еще понять надо, что он говорит, а потом сообразить, он это всерьез, или у него опять какие-то мифы предков в голове всплыли. Я его по-русски говорить пытался научить, взмок, голос сорвал, а он так ничего и не понял. Шаман, говорит, на колеснице едет. Я ему говорю, какой шаман, это немцы на бронетранспортерах, а он – шаман. Это у него мышление такое, – Иванцов безнадежно махнул рукой. – На пальцах объясняемся.

– Но проверить надо, – не унимался разведчик. – Если в самом деле слышен шум моторов, это танки выдвигаются, значит, ударит немец скоро, докладывать надо, Степан Валерьянович. А то проморгаем. Мы же сведения имеем, что четвертый танковый корпус СС погрузился на платформы, снялся с позиций и куда-то направился, а куда направился? Никто не знает. На Берлинском направлении их нет, нас терпят – у нас тоже вроде нет. И где они? Что-то затевают немцы, ясно.

– Ты мне языка давай, хорошего языка давай, а не рассуливай, – прикрикнул на него Иванцов. – Тоже мне разведка, мать твою. Турбанберды он мне слушает, что тому пригрезилось. Вот как стемнеет, дуй за языком и без него не воз-

вращайся. Информация нужна, информация. А не домыслы и сказки. Понял?

– Так точно, товарищ капитан.

– Ну, понял, так действуй. Вот и переводчик у нас пока имеется, – Иванцов кивнул на Наталью, – допросим быстренько и первыми сообщим, если что. А то Турбанберды у них слышал. Докладывать они собрались, – он усмехнулся. – Товарищ генерал, у нас тут Турбанберды слышал что-то. Вроде прет кто-то, а кто – немец или шаман, это неизвестно.

– Здравствуйте, товарищи, – Наталья услышала знакомый голос и повернулась. – Простите, что прервал.

Перед ней стоял майор Аксенов. Она сразу узнала его. Высокий, в аккуратно застегнутой шинели, фуражке с синим верхом. В тусклом дневном свете его лицо с прямым, немного привздернутым носом, смуглыми, слегка ввалившимися щеками и широким лбом, которое накануне вечером показалось Наталье несколько высокомерным, теперь, напротив, выглядело усталым и немного грустным. С полминуты Наталья смотрела на него, ничего не понимая; примолкли от неожиданности и Иванцов с Косенко. Увидев незнакомца, даже Прохорова прекратила шелушить семечки. Потом Наталья спохватилась, выпрямилась, поправив шапку на голове, отдала честь.

– Здравия желаю, товарищ майор.

Косенко и Иванцов тоже козырнули, переглянувшись,

Прохорова рассыпала семечки и только как-то неловко махнула рукой.

– Степан Валерьянович, знакомьтесь, – Наталья повернулась к капитану.

– Да я и сам могу представиться, – проговорил Аксенов, как показалось Наталье, слегка смущенно, потом шагнул вперед. – Майор Аксенов Сергей Николаевич. Я вместо капитана Коробова пока. Был на батарее, начальник штаба сообщил мне, что здесь произошло, распорядился сверить позицию и удостовериться, как произведено заминирование. Будем знакомы, – он протянул руку Иванцову.

– Понял, – кивнул тот. – Как меня величают, ты слышал, майор. Степан Валерьяныч я, фамилия Иванцов. Здесь я старший над всем. Это командир моей разведки, старший сержант Косенко, – он повернулся к Мише. – Ну, с Натальей Григорьевной ты знаком, я вижу, – он махнул рукой, – а это Прохорова, снайпер наша. Из-за нее все произошло с капитаном вашим. Долго целилась, все усесться не могла.

Аксенов пожал руку Косенко. Наталья протянула ему планшет Коробова.

– Вот, товарищ майор, документы Коробова. Никаких пометок нет, я смотрела. Ничего он сделать не успел.

– Может, это и к лучшему, – деловито кивнул Иванцов. – Парень-то был бестолковый, ничего не слушал, все у него другое что-то в голове.

– Как думаете, немцы скоро атакуют? – спросил Аксенов,

серьезно глядя на Иванцова.

– Ничего толком сказать не могу, майор, – вздохнул тот. – Языка не взяли ночью, пустой Косенко пришел, сведения все старые. Вот ползаем, вынюхиваем, выглядываем, что он, где, с какими силами. Вот те, что перед нами, так мы их вдоль и поперек знаем, как сидели, так и сидят. Но они для атаки как отработанный материал, скорее для отвода глаз здесь находятся. Где-то в глубине немец собирается. А где, сколько его, – он покосился на разведчика. – Чего там говорил этот унтер, которого мы последним прихватили, про генерал-лейтенанта, как-то его? – он наморщил лоб. – Запомнил я уже.

– Гилле, – подсказала Наталья – Обергруппенфюрер СС Гилле. Этого унтера потом в штабе допрашивали, так что я два раза переводила, наизусть помню. Говорил он, что четвертый танковый корпус СС, которым командует этот самый Гилле, а в его составе дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг», снят с фронта и переброшен на новый участок, а куда, он не знает. Разговоры были, что пойдет снова на Будапешт от Балатона через город Секешвехервар, а к нему откуда-то с запада через Вену еще подкрепление подтягивается. Они считают, что оборона у русских, то есть у нас, здесь наиболее слабая, и ее легко прорвать.

– Так Секешвехервар здесь и есть, – кивнул головой Иванцов. – И оборона у нас не ахти, верно. Только дивизии-то те давно уж куда-то выехали, а к нам не прибыли, вот загад-

ка-то. А кто к ним на помощь движется – мы и подавно не знаем. Я Косенко тереблю, давай еще языка, а все не выходит крупного изловить, все мелочь попадается. Кстати, ты, Косенко, – он повернулся к сержанту. – Сходи-ка за саперами, сейчас пойдем с майором, покажем, что сделано у нас.

– Погодите, старший сержант, – остановил его Аксенов. – То, что две танковые дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг» погрузились в Комарно на платформы, это верно. Но вот вопрос, который наше командование очень хочет прояснить: какой смысл перебрасывать эти танки и мотопехоту к озеру Балатон по железной дороге, когда от Комарно до Балатона по шоссе можно доехать за одну ночь? Это либо чистой воды дезинформация, либо у немцев здесь придуман какой-то маневр, сюрприз для нас, так сказать. И еще, имеются сведения, что из Арденн в срочном порядке на наш фронт переброшена шестая армия СС и в ее составе лучшая эсэсовская танковая дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Они недавно сильно потрепали американцев и англичан в Бельгии, так что теперь всему нашему Берлинскому направлению в срочном порядке наступать приходится, чтобы немцев на себя оттянуть.

– Лейб, что? – нахмурившись, переспросил Иванцов. – Лейб-гвардия какая-то, что ли? Не понял я, сталкиваться не приходилось. Что это за зверь такой?

– Кому приходилось, тому досталось немало, еле ноги унесли, – заметил Аксенов без тени иронии. – Это отборная

чисто арийская эсэсовская дивизия. Там одни немцы, никаких союзников, при самом новом вооружении. Да и прав ты, Степан Валерьянович, сформирована из тех самых гвардейцев Гитлера, которые у него на парадах обычно ходят. Обучены в высшей степени превосходно. Их называют «белокурые бестии», «хирурги фюрера». Вскрывают любой нарыв, как скальпель. Удаляют гной и уходят, дальше вермахт доделывает. Вполне вероятно, что «Лейбштандарт» направлен из Арденн напрямик к Кюстрину, на Берлинское направление, и ставка на этом настаивает. Все надо проверить, старший сержант, – Аксенов внимательно посмотрел на Косенко. – Правильно ваш капитан говорит: по земле стелиться, каждую травинку сухую, прогнившую нюхать, а выяснить, пришел «Лейбштандарт» или нет его. Ну и про давних знакомцев ваших, дивизии «Мертвая голова» и «Викинг» заодно тоже разузнать. Всю картину понять надо. Ясно?

– Так точно, товарищ майор, – вытянулся Косенко. – Говорит же Турбанберды, что слышит шум моторов в глубине немецкого расположения. Передний край у них молчит. Наша артиллерия дважды открывала огонь, а они молчат, неспроста это все.

– Да, Турбанберды это у нас главный предсказатель, – покачал головой Иванцов. – С ним никакая ставка не сравнится. Ладно, Косенко, иди за саперами.

– Есть.

Старший сержант козырнул и выскочил в узкий проход,

соединяющий траншеи.

– Ну а как люди, капитан? – спокойно поинтересовался Аксенов. – Какое настроение?

– Видишь ли, товарищ майор, – Иванцов задумался, – люди – это всегда самая сложная загадка. Люди у меня неплохие. Ну, в основном, – он снова недовольно покосился на Прохорову. – У каждого десятки боев за спиной. Одна новенькая. Только, понимаешь, война-то уж к концу идет, все знают. Потому и помирать как-то особенно обидно. Разговоры послушай. Я частенько прислушиваюсь, о чем говорят, чтоб понимать, что к чему. Так раньше, под Сталинградом, все о боях, о боях. А теперь все чаще – как после войны жить будем. Жить-то всем охота. А кому-то помирать придется.

– Да, верно, Степан Валерьянович, – Аксенов согласно кивнул головой. – Теперь наша с вами роль командиров особенно ответственна. Надо так все подготовить, чтоб ни одной лишней капли крови не пролить, сохранить людей. Ни одной ошибки, ни одного промаха, а для этого разведка, разведка и анализ.

– А я о чем? – Иванцов развел руками. – Было бы что анализировать. Нет, за своих людей я уверен, точно говорю.

– Это хорошо, Степан Валерьянович.

В узкий проход протиснулся дед Харламыч, в короткой, не по росту шинели. Длинные худые руки плетью висели вдоль тела.

– Товарищ капитан, – доложил он, даже не заметив стар-

шего по званию Аксенова, – Косенко говорит, что саперы готовы.

– Вы как докладываете, Полянкин? – Иванцов явно сконфузился. – Устав не читали, старшего по званию не видите? Разболтались.

– Не шуми, не шуми, Степан Валерьянович, – остановил его Аксенов. – Вы меня, Полянкин, к саперам сейчас проводите, – он обратился к пожилому солдату. – Если капитан не возражает.

– Да куда мне возражать, опозорил, да и только.

– Не переживай, капитан. Наталья Григорьевна, – майор повернулся к Голицыной. – У меня такое указание – забрать вас с собой в штаб, но только после того, как старший сержант Косенко возьмет языка. Так что здесь ждать будем. И вы, и я. Сколько понадобится, столько и будем. Сразу допросим на месте.

– Ясно, товарищ майор, – Наталья отдала честь, про себя она даже обрадовалась.

В штаб она не торопилась, тем более сопровождать тело погибшего Коробова ей совсем не хотелось.

– Идемте, Полянкин, – распорядился Аксенов.

– Фонарик бы надо взять, товарищ майор, а то смеркается уже, – предложил Иванцов.

– У меня есть, – ответил Харламыч и, достал из кармана фонарик.

– Дед Харламыч здесь самый хозяйственный в роте, –

поддержала пожилого солдата Наталья, ей было обидно, что Иванцов его отчитал. – У него все найдется.

– Дед Харламыч? – Аксенов улыбнулся. – Ну, я тебя тогда так же звать буду. Не возражаешь?

– А чего мне возражать, – Харламыч улыбнулся, показывая редкие коричневые зубы. – Мне так привычнее.

– Ладно, пойдемте. Где саперы?

– В первой траншее, вас поджидают, – доложил Харламыч.

– Косенко где? – крикнул ему вслед Иванцов.

– У себя сидит, – ответил Харламыч уходя. – Мозгуют, как языка брать.

– Пойду-ка и я помозгую с ними. Ты, Наталья, куда?

– Мы в землянку пойдем, чтоб не мешаться.

– Ну, давай. Если языка возьмут, я тебя позову.

– Ладно.

Они пошли по ходу сообщения, который упирался в траншею, черными извивами уходившую вправо и влево. Солдаты в траншеях стояли, негромко переговариваясь, кто-то писал письмо, сидя на корточках, кто вообще спал, завернувшись в плащ-палатку.

– Наташа, вот ты грамотная, я вижу, языки знаешь, скажи мне, – спросила Прохорова. – А что такое эти «белокурые бестии», про которых майор говорил? Это что, люди такие? Вообще словечко это «бестия» что значит? – продолжала расспрашивать Прохорова. – Церковное какое-то, что

ли? Простой народ так не говорит.

– Ну да, церковным его тоже назвать можно, – Наталья кивнула головой, – так в некоторых книгах дьявола называли, ну, зверь значит. Вообще слово это латинское, древние римляне говорили на этом языке, на латыни. Слыхала о таких? – она взглянула на Прохорову не без иронии.

– Слыхала, – ответила та неуверенно, сказать «нет» явно не решилась.

– А вообще придумал это выражение философ немецкий Фридрих Ницше. Раньше оно обозначало льва, царя зверей. Ницше перенес это понятие на человека. В общем, сверхлюди такие, которым все нипочем. Арийская нация.

– И они, правда, такие? – Прохорова перешла на шепот. – Ну, сверх...

– Это я не знаю, – Наталья отмахнулась. – Да и откуда им быть сверх? Такие же смертные, как и мы, так же у них семья и дети, и погибать неохота. А то, что внешне они там какие-то, я тоже сомневаюсь. Что ж вся Германия и одни арийцы – в это я тоже не поверю. В общем, такие же арийцы, как и мы с тобой, не надо над этим много голову ломать. Гитлеровские идеологи для того все это и выдумывают, чтоб пугать таких вот, как ты, кто только школу кончил и толком не знает еще ничего о жизни. Что обучены они получше наших, экипированы, вооружение у них отменное, это майор правильно сказал. Так и есть. Но что они смелее наших и терпеливее – в это я не поверю никогда. Да и по внешне-

сти тоже, – Наталья чуть скривила губы. – Разве у нас нет мужчин по метр восемьдесят ростом со светлыми волосами и светлыми глазами? Если очень захотеть, не то, что одну дивизию, армию собрать можно. И к ним еще таких, как Турбанберды добавить. Для контраста. Вот будет картина, – она засмеялась. – И живем все вместе, ничего, не ссоримся особенно. Вон Сашка Васильков, комсорг наш при Шумилове, чем не ариец? Новгородский он, волосы светлые, глаза светлые, рост – метр восемьдесят точно будет, даже и побольше. Так что...

– Правда, – в голосе Прохоровой явно слышалось разочарование. – Значит, как все. Ну, слава богу. А то уж я испугалась. Как это я представила – гиганты такие на бронетранспортерах, и все в белом.

– Ну, ты с фантазией, Надя, – Наталья рассмеялась. – Мне бы и в голову не пришло. Ничего, если в самом деле к нам «Лейбштандарт» пожаловал, Саша Васильков сюда приедет пропагандистскую работу проводить, так он тебе еще лучше моего расскажет, кто они такие и с чем их едят. Слушай, а темно-то быстро стало, хоть глаз коли. И морозить начинается. Правильно Иванцов майору насчет фонарика напомнил, без фонарика теперь никуда.

Нащупывая руками стены и ногами ступеньки, Наталья спустилась в землянку. Прохорова скатилась за ней.

Внизу едва приметно краснела тоненькая полоска света. Наталья нащупала рукой ручку двери, потянула на себя.

– Быстрее, быстрее закрывайте! – слышался резкий голос санинструкторши Раи.

– Сидят уже, – недовольно пробормотала Прохорова.

Но с темноты Наталья еще не могла увидеть их, глаза ослепли от яркого света. Увидев Наталью, обе женщины хоть и неохотно, но встали. Хоть и женщина, но все-таки офицер.

Но Наталья наслаждаться властью не собиралась.

– Садитесь, девушки, не надо этого. Добрый вечер.

– Тут вам, товарищ лейтенант, Харламыч ужин принес, – произнесла Рая. – И тебе тоже, – последнее высказывание относилось к Прохоровой. – Садитесь с нами.

– Нет, девушки, спасибо, – Наталья покачала головой, – тесновато вчетвером, вы доедайте, а мы потом с Надеждой. Пока пойдем, руки помоем.

Она достала мыло и полотенце.

– Надежда, пошли, на руки польешь, – позвала застывшую на пороге Прохорову. – Что стоишь, как истукан, – добавила шепотом. – Ты не надоедай, и они тебя трогать не будут.

– Что, Михаил, опять за языком пойдет? – услышала она, как спросила Раю вторая санинструкторша, Света.

– Пойдет, – вздохнула та, – боязно мне, просто душа в пятки уходит.

Часа через два советская артиллерия и минометы снова открыли огонь. Но передний край противника опять молчал.

– Пошли, пошли, – Райка вбежала в землянку, – Косенко пошел!

И снова выбежала в траншею. За ней вторая санинструкторша.

– Пошли и мы, – дернула Наталью Прохорова.

Прислонившись спиной к стене, Наталья задремала после ужина, и теперь спросонья даже не сразу поняла, что происходит.

– Куда пошли? Куда они все? – она потерла глаза.

– Косенко за языком пошел, – сообщила Прохорова взволнованно.

– Ну и что? – Наталья пожала плечами. – Это дело не быстрое. Нам-то что в траншее торчать? Возьмут языка, капитан вызовет.

Она уже хотела улечься на топчан. Но вдруг нейтральная полоса запылала в свете ракет. И через мгновение ее накрыл пулеметный и автоматный огонь.

– Это по разведчикам стреляют! – закричала Прохорова.

Наталья выбежала из землянки и побежала по траншее к Иванцову. Прохорова от нее не отставала.

– Не пускают, черти, не пускают! – Иванцов со злостью стукнул кулаком по брустверу. – Ни одному не удалось подойти к позиции. Что они там, возвращаются, что ли? – спросил вполоборота Харламыча. – Косенко возвращается?

– Никак нет, товарищ капитан, – ответил тот. – Не видать.

Было слышно, как невдалеке навзрыд заплакала Рая, уткнувшись лицом в плечо другой санинструкторши.

– Да погоди ты, – раздраженно махнул на нее рукой Иван-

цов. – Уведи ее, Светлана. Только воя ее здесь не хватает.

– Идите. Идите, девушки, – Харламыч легонько подтолкнул обоих. – Может, и обойдется все.

– Неужели все погибли? – напряженно спросил Иванцова Аксенов, когда санинструкторши ушли.

– Не знаю, – ответил тот сквозь зубы. – Но насколько я Косенко знаю, его не так легко взять. Митька, – крикнул радиста, – куда запропастился? Вызывай! Вызывай!

– Тополь, Тополь, ответьте Сосне! Тополь! Тополь, ответьте Сосне!

Радист повторял монотонно, все замерли, ожидая ответа. Эфир трещал. Наконец послышался исчезающий голос Косенко.

– Сосна, Сосна, я Тополь. Вышли в квадрат три. Вижу непрерывное движение танков и бронетранспортеров противника из тыла к фронту. Танки с обозначением ключа на башнях, много....

Эфир снова затрещал, голос Косенко пропал.

– Вызывай, вызывай, Митька, – приказал Иванцов. – Значит, давай-ка посмотрим, майор, куда они забрались, – Иванцов достал карту. – Харламыч, посвети. Квадрат три. Это они прошли по берегу Балатона, где-то там сидят. Молодцы, ребята. Вызывай, вызывай, Митька, что там?

– Тополь, Тополь, я Сосна! – повторял радист. – Тополь, Тополь, я Сосна. Ответьте Сосне...

– А что это за танки с ключом, – Иванцов пожал плеча-

ми, – что-то я таких не видал прежде.

– Это и есть «Лейбштандарт», – кивнул Аксенов, глядя на карту. – У них эмблема такая – ключ в дубовых листьях.

– Значит, все-таки этот лейб на нас прет, – Иванцов сдвинул шапку на затылок. – Да, час от часу не легче. Ну что, Митька? Есть ответ?

– Никак нет, товарищ капитан. Глухо.

– Ах, черт!

– Но даже то, что есть, надо доложить командующему, – предложил Аксенов.

– Доложи, доложи, майор, – кивнул Иванцов. – Косенко врать не будет. Если идут эти танки, значит, идут, своими глазами видит их. Но сколько их, кто еще с ними. Вызывай Митька, вызывай! – теребил он связиста.

– Ну что там, товарищ лейтенант? – к Наталье робко подошла Райка, на лице разводы от слез, смешанные с грязью.

– На связь вышли, живой пока, боя нет, – тихо сообщила ей Наталья. – Можно сказать, в порядке. Ты иди, Раиса, не стой, не действуй Валерьянычу на нервы, он и так на взводе. Я тебе потом все скажу.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – санинструкторша радостно улыбнулась и исчезла в темноте.

– Волнуется за своего, – завистливо шепнула Наталья Прохорова. – Прямо задрожала вся.

– Если любит, конечно, волнуется, – спокойно ответила Наталья. – Ее можно понять, а ты бы не волновалась?

– Да у него жена где-то в Смоленске, двое детишек...

– А тебя это касается? – строго оборвала Наталья. – Нет? Вот и молчи. Без тебя разберутся. Не мешай командиру. Не понимаешь, что ли?

Вернулся Аксенов.

– Приказано выдвигать резервы в нашем направлении, – сообщил он, – всем боевая готовность.

– Всем боевая готовность, – передал приказ Иванцов.

Траншеи сразу заполнились людьми.

– Сосна, Сосна, я Тополь, – снова сквозь треск слышался голос Косенко. – Дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг» выдвинулись в передний эшелон. Взят пленный, показывает, шофер командира танкового полка СС «Викинг»...

– Передает прямым текстом, значит, очень важно, – Иванцов и Аксенов прильнули к рации. – Говорит, их погрузили в эшелоны и сначала отправили в Австрию, потом довезли до югославской границы, потом снова повернули, и они снова оказались на Балатоне...

– Ага, следы запутывали...

– Насколько я понимаю, именно так. Но переводчик лучше скажет потом. У них много пополнения, особенно танков. Из Арденн прибыла шестая танковая армия СС. Поставлена задача...

Эфир опять затрещал.

– Тополь, Тополь, я Сосна. Ответьте!

– Нас обнаружили, веду бой! – слышалось через мину-

ту, вслед за этим перебивая помехи, раздалась автоматная трескотня. – Сообщите, поставлена задача на первом этапе нанести удар в промежутке между озерами Веленце и Балатон, прорваться к Дунаю, а далее наступать по его берегу на юг. Деблокировать котел на правом берегу Дуная...

Автоматные очереди слышались все сильнее.

– Затем повернуть на север, – кричал Косенко, – и выйти к Будапешту. Операция носит название «флю-лингс-эрва-хен» – по слогам произнес он.

– «Весеннее пробуждение», – подсказала Наталья.

– Да, так, наверное. Бить будут танковым тараном. Пленный говорит...

Кто-то застонал рядом.

– Костика срезали, гады, – выругался Косенко. – Товарищ капитан, сообщите: танков много, очень много, здесь все леса и сады на берегу Балатона забиты этими «тиграми» и штурмовыми орудиями. Когда все начнется, пленный не знает. Приказа еще не было. Его дадут в последний момент, как обычно. Но они не сомневаются, что прорвутся. Товарищ капитан, мы окружены, – голос Косенко снова стал слышен плохо. – Будем прорываться.

– Давай, Миша, давай! – крикнул Иванцов. – Выходи с пленным, постарайся доставить его живым. Поддержим. Огоньком поддержим.

Иванцов опустил трубку.

– Передай: всем к бою, – приказал Харламычу. – При-

крыть разведчиков. Так, ясно, — он почесал затылок. — «Весеннее пробуждение» у них, значит, настало. Поглядим, поглядим.

— Я доложу в штаб, — Аксенов побежал по проходу.

Наталья повернула голову и увидела вжавшуюся в угол траншеи Раису. Обняв колени, она тихо плакала. Наталья подошла к ней, села рядом, обняв за плечи.

— Он живой, не ранен даже. Ну и что, что окружены? Прорвутся, я уверена. Выйдет, выйдет. Он молодец, твой Михаил, — она гладила санинструкторшу по спутанным волосам. — Такие сведения добыл, что теперь точно орден получит.

Рая повернулась, обняла Наталью, уткнулась лицом ей в плечо.

— Раньше времени плакать не надо. Раньше времени плакать — плохо это, — негромко говорила ей Наталья. — Представь, Миша придет, а ты зареванная. Успокойся и иди, умойся. Будем ждать.

Старший сержант Косенко и двое оставшихся в живых разведчиков перешли линию фронта примерно через час под ожесточенным огнем с обеих сторон. Косенко был дважды ранен, но шел сам, с собой они тащили пленного и еще одного тяжелораненого товарища.

— Миша!

— Не меня! Костика, Костика давай! — Косенко оттолкнул Райку, которая сходу бросилась к нему. — Не видишь, он ранен. Меня-то царапнуло. Я и сам перевяжусь. А он крови

много потерял.

– Да, да, я сейчас, я сейчас, – смеясь и обливаясь слезами, Раиса принялась снимать с раненого остатки обмундирования. – Света, Света, сюда, – крикнула вторую санинструкторшу.

– Косенко, золотой мой! – Иванцов, выбежав из траншеи, обнял сержанта. – Ну, выручил, выручил. Пленный где?

– Да вот, – Косенко одной рукой встряхнул связанного немца. Рот у него был заткнут кляпом, глаза испуганно моргали.

– Ну, давай его на допрос. Сергей Николаевич, Наталья, – он обернулся к Голицыной, – пошли ко мне в блиндаж.

– Миша, Миша, на, – Раиса сунула Косенко бинты и вату.

– Отвяжись, – он оттолкнул ее.

– Давай, я возьму, – Наталья взяла у испуганной санинструкторши все принадлежности для перевязки. – Не обижайся, сейчас ситуация такая, мужикам не до нас. Как там минутка будет, я его перевяжу.

– Спасибо, – всхлипнула та.

– Я же говорила, жив будет, – Наталья радостно обняла ее и побежала по проходу вслед за офицерами.

Розовые блики восходящего солнца скользнули по покрытому настом, осевшему снегу. Голубоватая ледышка скрипнула под подошвой сапога. Маренн обошла боевую машину, повернулась и, поскользнувшись, проехала, чуть не упав на снег.

– Осторожно, – Йохан подхватил ее под локоть, – на спине нельзя даже лежать, не то, что падать.

– Я случайно, – она отбросила с лица длинные, распущенные волосы. Потом, собрав их вместе, завязала узлом на затылке.

– Сейчас Георг тебя отвезет к Виланду, – он притянул ее к себе, она положила руки ему на плечи, под самые погоны. Его светлые глаза были совсем близко, он смотрел на нее с нежностью и глубоко скрытой грустью. Сердце сжалось. Она прислонилась лбом к его плечу.

– Я понимаю, я все понимаю, – произнесла тихо. – Командир должен быть впереди, должен вести бой, подавать пример остальным, но я прошу, если это возможно... Не нужно...

Он поднял ее голову.

– Это трудно. Но я постараюсь. Ради тебя, – сказал, глядя в глаза. – Поезжай.

– Я знаю, что значит потерять в бою того, кого любишь, –

ее голос дрогнул. — Я потеряла Штефана.

— Не думай об этом. Мы справимся.

Наклонившись, он поцеловал ее в губы.

— Йохан, получен приказ занять исходные позиции, — сверху, с БТРа послышался голос Шлетта. — Я к орудиям.

— Все, иди, иди, больше нет времени, — он отстранил ее. — Борман, отвезите! — приказал офицеру.

— Идемте, фрау Ким, — тот подошел к ней.

Не оборачиваясь, Пайпер поднялся на машину и уже смотрел на карту, разговаривая по рации. Она повернулась и пошла вслед за Борманом.

— Фрау, — Георг протянул руку, помогая ей подняться на борт. — Здесь оставаться нельзя. Через час здесь все будет простреливаться большевиками.

— Да, да, конечно, — она кивнула, вздохнув, — мне надо быть в госпитале. Обязательно.

— Поехали.

Заработал мотор, БТР сдвинулся с места. Маренн еще раз посмотрела назад, хоть и говорила себе: хватит, хватит вертеть головой, тоже еще девчонка. Пайпер склонился над картой, к нему один за другим подбегали офицеры, получая приказания перед атакой. Казалось, он совершенно забыл о ней. Но нет, он помнил. Конечно, помнил. Когда БТР развернулся, он поднял голову и посмотрел на нее. Долгий, нежный, пронизывающий взгляд, как признание в любви перед тем, как в очередной раз, может быть, в последний, взгля-

нуть в лицо смерти.

Она положила дымящуюся сигарету в пепельницу, посмотрела на уже увядающие розы в вазе. Дверь открылась, вошел Виланд.

– Что там, Мартин, – спросила, внимательно глядя на него, – кого привезли? Откуда?

– С берега Балатона. Уже была перестрелка с русскими, – ответил тот озабоченно.

– Перестрелка? – она удивилась. – Но до начала атаки еще целый час.

– Эти большевики в любую дырку пролезут, – ответил доктор с досадой. – Прошла одна их разведгруппа, завязался бой.

– Сколько раненых? – она затушила сигарету, встала. – Тяжелые?

– Семь человек. Все более или менее, один, – доктор сдернул очки и начал тереть их по привычке. – Один...

– Что, Мартин? – она насторожилась.

– Я думаю, это летальный исход, фрау Ким. Ранение в голову, проникающее. Шансов нет. Офицер.

– Пойдемте. Ханс, – Маренн позвала санитаров. – Обработать руки и маску, быстро.

Через минуту она уже склонилась над раненым.

– Штурмбаннфюрер Виш из 1-ого панцергренадерского полка. Положение безнадежное, – негромко сказал за ее спиной Виланд. – Пуля застряла внутри, вытащить ее в наших

условиях мы не сможем. По идее он вообще уже должен быть мертв.

– Но он не мертв, – ответила Маренн. – Большая потеря крови, он без сознания, но мозг работает и сердце тоже, – она взяла руку раненого, прислушиваясь к пульсу, посмотрела зрачки. – Так что мы не имеем права опускать руки, Мартин.

– Это по вашей части, – Виланд пожал плечами. – Вам виднее. Мы стабилизировали позвоночник, блокировали кровотечение...

– Да, много поврежденных сосудов, разрывы существенные, но основные сосуды целы, – она внимательно осматривала рану. – Задеты области шеи и позвоночника. Пуля, видимо, отскочила рикошетом от внутренней поверхности и осталась внутри, выходного отверстия нет. Ликворея довольно стойкая, скорее всего, из желудочковой области. Но это говорит о том, что отек мозга еще не наступил. Ствол также не задет, это обнадеживает. Будем делать разрез дыхательного горла и вводить трубку, чтобы обеспечить дыхание, – она быстро взглянула на Виланда. – Ханс, приготовьте инструменты. Чтобы предотвратить инфекцию, введите противостолбнячную сыворотку и немедленно сульфонамид. Пенициллина у нас мало, но это не тот случай, когда надо экономить, будем колоть и его.

– Вы что, собираетесь извлекать пулю? – Виланд с сомнением посмотрел на нее.

– Да, – она кивнула совершенно спокойно. – Я сделаю это.

И вы мне поможете. Затем мы отправим его в Шарите.

– Фрау, пульса нет! – взволнованно произнес второй санитар, державший запястье раненого. – Остановка сердца!

– Вот видите! – воскликнул Виланд.

Маренн прижала ухо к сердцу раненого.

– Герберт, быстро, – приказала санитару, – высвободить язык и один миллилитр цититона, быстро! Шевелитесь! Мартин, смотрите зрачки! Искусственное дыхание через каждые четыре толчка! Ханс, пульс!

Встав слева от раненого, она положила ладони на нижнюю часть грудины, одну на другую, начала делать резкие, толчкообразные движения, надавливая и распрямляя руки после каждого надавливания, чтобы полости сердца могли наполниться кровью. Подождав тридцать секунд, надавливала снова.

– Фрау Ким, давайте я, – взволнованно предложил Виланд. – Вам нельзя, может разойтись шов.

– Мартин, не отвлекайтесь, делайте, что я вам сказала! Ханс, есть пульс?

– Пока нет, фрау!

– Зрачки?

– Помутнение роговицы...

– Мартин, два нагнетания воздуха после двенадцати сдавливаний! – она смахнула пот, выступивший на лице, начала давить часто и сильно, буквально каждую секунду. Почувствовав резкую боль в спине, не остановилась, даже не обра-

тила внимание.

– Ну, давай, давай, дружок, дыши! – снова и снова отчаянно сжимала и разжимала сердце раненого.

– Фрау, прощупывается пульс, – радостно сообщил санитар.

Она прижалась ухом к груди.

– Да, сердцебиение пошло, – сказала, облегченно вздохнув, и слабо улыбнулась. – Заработало. Мартин, искусственное дыхание до того момента, как мы введем трубку в трахею.

– Я понял. Герберт, – он передал ее распоряжение санитару.

Отступив на полшага, Маренн опустилась на стул. Ее охватила непонятная, непривычная слабость. Она на мгновение закрыла глаза.

– Фрау Ким, – она услышала над собой испуганный голос Виланда, – фрау Ким, я же говорил. Посмотрите.

Она открыла глаза. Мартин растерянно указывал на ее халат. Она опустила голову, взглянула – на халате растекалось темно-багровое кровавое пятно.

– Шов разошелся, началось кровотечение. Фрау Ким, надо срочно принять меры.

Она только равнодушно покачала головой.

– Это ничего. Сейчас нет времени. Продолжим. Мы должны продолжить, Мартин.

– Но как продолжить? – очки соскользнули с лица Вилан-

да, он едва успел поймать их. – Вы понимаете, чем это может вам грозить?

– Я понимаю.

Она встала.

– Но сейчас мы должны доделать то, что начали, все остальное потом. Идемте к столу.

– Но как же вы? – доктор смотрел на нее в явном замешательстве. – Операция продлится долго.

– Я знаю, – она спокойно кивнула головой и, взяв у санитаря новую стерильную маску, надела ее на лицо. – Ничего, я потерплю.

Едва рассвело, немцы начали артиллерийскую подготовку. Артиллерия и минометы обрушились на боевые порядки Красной армии, расположенные между озерами Балатон и Веленце. После допроса пленного Наталья только прилегла отдохнуть в землянке, как вдруг раздался страшный грохот. Она вскочила и выбежала в траншею. За ней выскочила испуганная, заспанная Прохорова. По ходу сообщения побежали на наблюдательный пункт командира роты. Кругом полыхали взрывы снарядов. Капитан был на месте. С ним – Аксенов, Косенко, командиры взводов. Иванцов и Аксенов в бинокли всматривались вдаль.

– Артподготовка, начали, – сказал, опуская бинокль, Иванцов. – А всю ночь нас за нос водили, то снегом поскрипят где-то, то постучат, то вдруг ни с того ни с сего палить начнут беспорядочно из автоматов. То сидели молчком, а как стало ясно, что Косенко их планы раскрыл, начали мудрить. Все на пушку брали, мол, вот-вот начнем, а сами разведку мелкими группами вели, оборону прошупывали. Ан, ничего не вышло, мы тоже воробьи стреляные, нас не проведешь. Видишь, майор, – он повернулся к Аксенову, – верно я приказал огонь вести только дежурным пулеметам, а остальным спать. А то бы сидели в траншеях, глаза пялили впустую. А к самой атаке уже и устали бы. А так свежень-

кие. Они созрели, когда солнце уже вышло. Ага, девчата! – он заметил Наталью и снайпершу. – Ты, Наталья при мне, – распорядился сухо, – носа никуда не совать. Поняла?

– Может, я к санинструкторам, Степан Валерьянович, – предложила она. – Если сейчас немец пойдет, у них много работы будет.

– Я сказал, при мне, – отрезал Иванцов. – Без тебя они справятся, не в первый раз. Влипнешь куда, кто поможет. При мне, и все. А ты, Прохорова, – он вдруг обратил внимание на Надю, – ты чего все винтовку свою держишь? Она тебе сейчас не понадобится, спрячь подальше. Да в чехол не забудь положить, ценность все-таки. Автомат бери. Он сейчас куда как больше пригодится. Наталья и ты возьми тоже, на всякий случай, – он кинул ей «Калашников», – а то со своей «хлопушкой» офицерской много тут не настреляешь.

– Что? Что? Идут? – в окоп спрыгнул комсорг Васильков. – А, Наталья Григорьевна?

– А я почему знаю, идут они или нет, – она холодно пожала плечами, отстраняясь. – Я кто? Командир роты или полка? Ты не у меня спрашивай, а у знающих людей. Что ты все у меня спрашиваешь? Пока не идут, пока стреляют, сам видишь.

– Вот, Наталья, язык у тебя недобрый, – покачал Васильков головой с осуждением. – Злой язык. Девушка ты красивая, на тебя залюбуешься, какая ты, я за всю войну такой второй не видел, тонкая такая, с благородством вся, а как рот

раскроешь, так и говорить с тобой не хочется. По тебе все мужики в штабе сохнут, а подойти к тебе боятся. Ты себе и генерала могла бы отхватить, а язык тебя подводит.

– А мне и не надо, чтобы они ко мне подходили, – отрезала Наталья, – только по делу. А так, знаешь, это как посмотреть. Вон, капитан Иванцов меня нисколько не боится, и старший сержант Косенко тоже. Так они вчера знаешь, какого языка взяли? Если бы не они, нас бы сейчас вообще размазали, как топленое масло на хлеб, а так немец палит, а нам хоть бы что, мы готовые. Вот такие люди меня не боятся, а эти ваши там при штабе, – она махнула рукой, – тоже нашел мне примеры. Ты вообще зачем прибежал-то сюда? – она повернулась и посмотрела ему в лицо. – Пропаганду разводить? Комсомольское собрание провести? Так поздновато, опоздал немного. Сегодня не твой день, Саша, сегодня фрицы и гансы выступают, слово взяли. Придется тебе подождать, с мировой революцией заодно.

– Ты потише, Голицына, – Васильков даже отшатнулся. – Я тебе что сказал? Ты не комсомолка даже.

– Комсомолка Голицына, как ты себе это представляешь? – Наталья улыбнулась. – Точно Маша или Глаша с завода «Красный пролетарий» или с фабрики по производству носков.

– А что? – Васильков пожал плечами.

– Вот ты не понимаешь даже, о чем я говорю, – Наталья взглянула на него с упреком, – а лезешь. Вообще, Васильков,

мы с тобой о мировой революции и о комсомоле еще при штабе наговорились. Ты давай не на меня смотри, а побольше вперед, на фрицев, а то укокошат, как Коробова, пискнуть не успеешь.

– Ага, партполитподдержка пожаловала, – к Василькову подошел Иванцов. – Значит, так, болтовню разводить некогда. Разглагольствованиями народ не отвлекать, понял? Если хочешь, оставайся, только автомат бери и стреляй почаще, а рот закрой пока. Мне бойцы нужны, агитаторы пока ни к чему. Мы и так все знаем. Если не согласен, дуй назад, пока не поздно. А то немец поперет, не до тебя будет.

– Да, ладно, Степан Валерьянович, – Васильков явно сконфузился. – Никуда я назад не пойду. Автомат дадите?

– Дадим. И гранат подкинем на всякий случай. Этого добра у нас хватает. Харламыч, обеспечить!

– Слушаюсь.

– Танки противника перешли в атаку, – сообщил, глядя в бинокль, Аксенов. – Полчаса артиллерией долбили. Идут.

– Митька, передай взводам: пехота и танки противника с фронта! – скомандовал Иванцов связисту. – Всем по местам! К бою! Батарею мне! Ермаков? – крикнул в трубку. – Видишь? И я вижу. Ну, встретим их, бог войны? Да, вижу, что их тьма-тьмушая. На каждую твою пушечку штук по двадцать танков придется, а на каждого моего солдатика по пятнадцать фрицевых. Да только нам не привыкать, Ермаков. Верно? Пали. Пали, родной.

– Большую силу собрали на узком участке фронта, – озабоченно заметил Аксенов, неотрывно глядя в бинокль. – Очень большую.

– Сказал же пленный, будут бить танковым тараном, – напомнил Иванцов. – Вот он и есть, танковый таран, будьте любезны.

– Я скажу, что если даже подойдут резервы, это все равно, что остановить бушующий водяной поток, бросая в него камни...

– А вот эти разговоры, майор, здесь брось, – одернул Иванцов. – Ты с какого года на фронте?

– С сорок первого.

– И я с сорок первого. Нам чего только ни приходилось переживать: и из окружения выходить, и чуть ли не голыми руками эти танки у Сталинграда останавливать. Так что сдюжим. Справимся. Я даже не сомневаюсь. У них запас-то теперь – пшик. Вот все, что есть, собрали, наверное, хотят на психику взять. А у нас и психика исправна, и запасики найдутся. Сможем ответить.

Наталья напряженно всматривалась вперед, но различить что-то было трудно, все тонуло в дыму. Стреляли немцы, отвечала советская артиллерия, шла напряженная дуэль. Но скоро и напрягаться будет не надо, это Наталья знала наверняка – танки подойдут к передовым траншеям.

– Что делать, товарищ лейтенант? – Прохорова нервно ерзала в окопе. – Стрелять?

– Ты что, не знаешь, что все делается по команде? Будет приказ, будешь стрелять, чего зря патроны тратить? Далеко они еще.

Гул нарастал.

– Молодец, Косенко, – еще раз похвалил разведчика Иванцов. – Дали сведения, так к нам теперь армейскую и корпусную артиллерию подтянули. Вот, заговорили. Полегче станет.

– А авиации у них нет, – заметил Аксенов.

– Кончилась авиация, – усмехнулся Иванцов. – На Берлинском направлении все их соколы. На нас не хватило. А ты говоришь, майор. Мы им всю авиацию перевели, и без танков оставим фюрера, а придет время, и без штанов. Прямо дома у него, в Берлине, штаны с него сдерем. Так что, не переживай.

Прохорова засмеялась.

– Вот и бойцы радуются, – Иванцов неожиданно подмигнул снайперше, но потом нахмурился: – Цыц, Прохорова, вперед смотри.

Наталья с улыбкой взглянула на капитана: всегда умел Валерьяныч разрядить обстановку, всем как-то легче стало от его шутки.

Бой уже шел по всему фронту. На соседнем участке немцы достигли передовых траншей. Через несколько минут, протерев глаза, слезящиеся от дыма, Наталья подняла голову – прямо впереди она увидела несколько темных, расплы-

вающихся силуэтов немецких танков, они ползли вперед, вспыхивая выстрелами, между ними мелькали пехотинцы, они прыгивали с БТРов, рассыпаясь цепью. С обеих сторон отчаянно стрекотали пулеметы и автоматы. Огонь, который немцы вели из всех стволов одновременно, просто вбивал в землю. Это был шквал, огненный шквал.

– Неимоверно! – Наталья едва расслышала голос Иванцова. – Первый раз такое! Какой напор устроили.

– Да, дай им пострелять так часок – от нашей обороны пустое место останется, – откликнулся Аксенов. – Сейчас бы авиацию...

– Ой, мамочка! – Прохорова вдруг с визгом выпрыгнула из окопа, Наталья едва успела ухватить ее за шинель.

– На место, боец Прохорова, – крикнула так грозно, как только могла, – под трибунал захотела, расстрел? Сиди и терпи.

– Я боюсь, я боюсь, – скулила Прохорова.

– Замолчи, – Наталья прижала ее голову к своему плечу. – Страх пройдет, привыкнешь. Все боятся. Всем несладко. Первый раз – можно, больше – ни-ни. Ну-ка, вытри сопли. И голову пригни, не высовывайся.

– Что там за паника? – Иванцов повернулся в их сторону, взгляд у него был суровым. – Отставить, Прохорова.

– Ничего, Степан Валерьянович, это она от неожиданности, – вступилась Наталья за снайпершу.

– Смотри у меня, я паникеров не терплю. У меня с ними

разговор короткий.

– Гляди, задавили наших внизу! – Наталья услышала голос Косенко. – Огонь! Огонь, братцы! Не расслабляться! Спокойно!

Действительно, на удивление легко взломав передний край обороны, немцы устремились вглубь. Теперь уже невооруженным глазом Наталья могла видеть тусклую броню немецких танков с изображением ключа на башнях.

– Вот он, «Лейбштандарт», – проговорил рядом с ней Аксенов. – Хваленый «Лейбштандарт». Легко справились, как хирурги, ничего не скажешь.

– Да, лейб этот палит отменно, – согласился Иванцов, – я такого и не встречал, верно ты говорил, майор. Но и мы не лыком шиты. Хоть и не лейб, а просто гвардия. Хирурги, мать твою. Нас голыми руками не возьмешь, и со скальпелем тоже, – Иванцов дал очередь из автомата и схватился за телефон. – Батальон, давай! Товарищ майор, – кричал он в трубку. – Доложите, вступили в бой с противником, просим огня! Огня! Авиацию, авиацию надо! Что? Мы держимся, что нам еще? Вы огня давайте! Огня побольше! Куда? Да, прямо на меня давай, тут они уже, рядом. Что? Будет авиация? Ждем. Так, сейчас наша артиллерия ударит, всем в укрытие, – приказал, отдав трубку связистам, – носа не показывать. Ясно, Прохорова? Тебя отдельно предупреждаю.

Земля вздрогнула, Наталья упала на дно траншеи, уши заломило от боли. На мгновение она потеряла сознание, уда-

рившись головой, сверху на нее посыпалась земля, куски льда, камни. Когда она пришла в себя, Прохорова трясла ее за руку.

– Наташа, Наташа, жива?

Она подняла голову. Стало заметно тише. Артиллерийский огонь ослаб, в небе слышался гул бомбардировщиков. Опираясь на руку Прохоровой, Наталья встала. Прямо перед окопом она увидела застывшую «пантеру» с развороченной гусеницей, на ее башне красовался тот самый ключ в дубовых листьях, вокруг эмблемы плясали кровавые языки пламени. Все поле боя внизу было усыпано отступающими танками и бронетранспортерами противника. У передовых траншей она насчитала с десятков горящих немецких машин.

– Как, Наташка, в порядке? – к ней подбежал Иванцов, – Молодец! И мы в порядке. Гляди, назад поползли. Летчики наши подсобили, ястребки. И артиллеристы не подкачали. Но это только начало. Сейчас перышки почистят и снова ринутся. Будут долбить, пока силы есть. Ну что, Прохорова, «Лейбштандарт», – он хлопнул снайпершу по плечу, – не так страшно, как рассказывали? Вот, гляди, горит «Лейбштандарт», – он показал на дымящую «пантеру», – горит не хуже прочих. А все арийцы по метр восемьдесят из него сбежали. Я сам видел, как они к своим драпали. Косенко бросил им гранату вслед, но кое-кто ноги все-таки унес. Повезло.

– Йохан, бригадефюрер Кумм, – Крамер протянул ему трубку.

Бросив сигарету, Пайпер поднялся на БТР, сдернул капюшон, отвернувшись от ветра, – мокрый снег летел в лицо.

– Слушаю, бригадефюрер! Потери? Потери стандартные для наступательного боя, но выше нормы. Мы вбили клин на полтора километра в квадрате восемь. Да, у роши и на перекрестке железных дорог, но они ввели авиацию и пришлось уйти. Одновременность удара нарушена, и эффект получился не тот. Почему нарушена? – он усмехнулся. – Я бы тоже хотел знать это, Отто. Где «Гогенштауфен» и «Дас Райх»? Все еще сидят в грязи? Доложили, что атакуют вместе со всеми? Очень мило. Зепп будет растроган их честностью и рвением. «Дас Райх» участвовала в наступлении двумя батальонами, «Гогенштауфен» вообще не появилась. Да, они участвовали в общей артподготовке, но их танков и пехоты на исходных позициях все еще нет. Мы наступаем с гитлерюгенд и вторым танковым корпусом вермахта, но это не то по сравнению с тем, что планировалось. Я не знаю, где они наступают. Может быть, они наступают где-то в другом, секретном месте, но с нами их не было. Пусть Зепп разбирается. Вот-вот, сообщи ему. А заодно скажи, что теперь большевики стянут на наш участок все основные силы, и когда «Го-

генштауфен» вылезет из грязи, все значительно усложнится. Они упрочат оборону и сделают это быстро. К тому же все время идет мокрый снег, а мы только навозили грязи, ничего не добившись. Придется «Гогенштауфен» лезть из одной лужи в другую. И нам вместе с ними, по второму разу. Нет, тяжелые танки на этом участке однозначно завязнут. В основном придется рассчитывать на мотопехоту. Слушаюсь. Да, ясно, – он передал трубку связисту и спрыгнул с БТРа.

– И что, где «Гогенштауфен»? – насмешливо спросил Шлетт. – Сидит в болоте, я понял?

– Да. Стадлер предупреждал Дитриха, что они не успеют прийти, просил перенести наступление хотя бы на день. Но ты же знаешь Зеппа. Он был непреклонен, сегодня или никогда, у него все так. В общем, они не решились доложить, что опоздали, сказали, мы наступаем со всеми, чуть ли не взяли Секешвехервар с ходу, но теперь все выяснится, конечно. Еще погода испортилась, как назло.

– Но это затруднит действия их авиации, – заметил Шлетт. – Это нам на руку. Сегодня они нас потрепали.

– Да, пожалуй. Крамер, – он снова повернулся к БТРу, – соедините меня с Виландом.

Через мгновение связист снова протянул ему трубку.

– Мартин...

– Йохан! – голос доктора звучал взволнованно. – Как там?

– Мы вышли из боя на час, не больше.

– Как там иваны?

– Упираются, как обычно. Фрау Ким может подойти? Позови ее.

Доктор неожиданно закашлялся.

– Нет, Йохан, она подойти не может, – произнес как-то неуверенно. – Я думаю.

– Она занята? – Пайпер нахмурился. – Скажи ей, я не смогу приехать, я должен быть здесь.

– Понимаешь, Йохан...

Виланд сделал паузу.

– В чем дело? Что случилось? Она в госпитале?

– Да. Она в госпитале. Она почти двадцать минут была без сознания, Йохан, – сообщил Виланд скованно, даже по телефону было слышно, как он нервничает. – Нам с большим трудом удалось ее привести в себя.

– Без сознания? Почему? Что произошло?

– После первой стычки с большевиками привезли штурмбаннфюрера Виша из первого панцергренадерского полка с тяжелым огнестрельным ранением в голову.

– И что? – Йохан насторожился, щелкнула зажигалка, он закурил сигарету. – Она делала ему операцию? Ты сам не мог? Ты же знаешь, что она ранена.

– Я не мог, – Виланд не выдержал и почти выкрикнул: – Я не мог! Я так и знал, что ты так скажешь. Но здесь такая же армия, как и у вас, здесь также командиры и подчиненные, и командир здесь не я, командир она, во время ее присутствия в госпитале она командир, у нее все полномочия, таков при-

каз, все подчиняются ей. Обязаны подчиняться. Это у нее высшая медицинская степень, это у нее практически стопроцентная выживаемость, это у нее все новейшие методики, все, что разрабатывает наша промышленность, все, что добывается наша разведка, все попадает к ней. Она этим занимается. И она приказывает мне, что делать. А я ей ничего не могу приказать. Это все равно, если бы тебе какой-нибудь унтерштурмфюрер стал диктовать, как вести бой. Я только советую, прошу, уговариваю, но она меня не слушает, Йохан. Вишу снесло полголовы, он бы вообще умер, если бы не она, она удаляла ему пулю, шила сосуды, и это все со специальным оборудованием. Она все сделала с ювелирной точностью, он теперь будет жить, а у нее раскрылся шов, она потеряла сознание от кровотечения. Я помогал ей, я делал все, что мог, чтобы облегчить ей работу, но есть вещи, которые может делать только она. Такие раненые умирают обычно. Это счастливчики, которым удастся попасть в руки фрау Ким. Она невероятная женщина, Йохан, – доктор расчувствовался так, что едва не плакал, – она просто невероятная. Как она все это делала! Я уговаривал ее, я просил. Она такая тонкая, хрупкая, но какая воля! Она может быть очень жесткой и твердой, когда речь заходит о жизни пациента. Очень жесткой и очень твердой. И у нее просто фантастическая рука.

– Я все понимаю, Мартин, – Пайпер вздохнул, – но как ты мог допустить, что она потеряла столько крови, что лиши-

лась сознания? Остановить кровотечение ты мог?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.